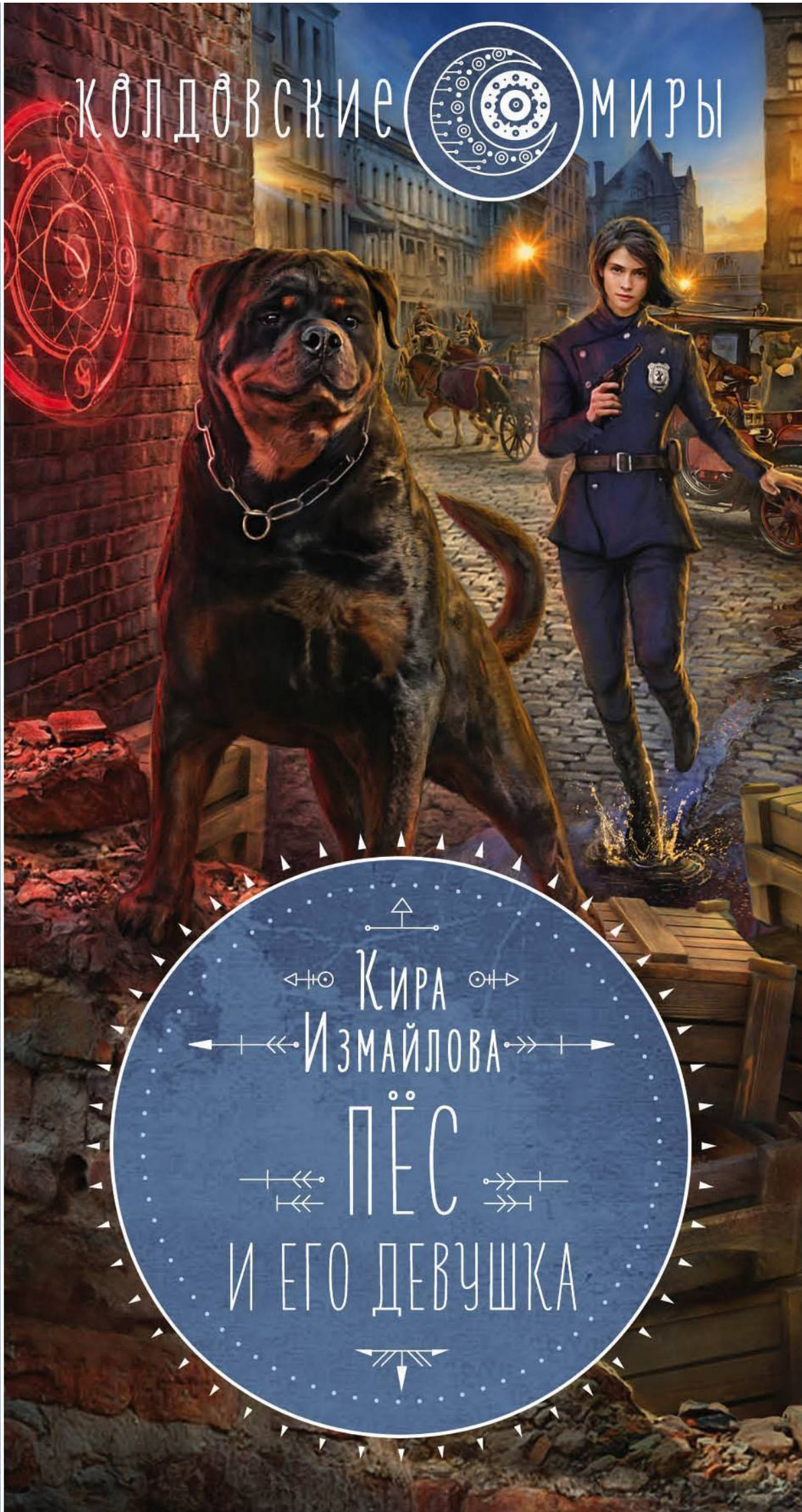

КОЛДОВСКИЕ

МИРЫ

КИРА
ИЗМАЙЛОВА
ПЁС
И ЕГО ДЕВУШКА

Колдовские миры

Кира Измайлова

Пес и его девушка

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Измайлова К. А.

Пес и его девушка / К. А. Измайлова — «Эксмо»,
2020 — (Колдовские миры)

ISBN 978-5-04-110114-5

Ротт Дайсон – начальник оперативного отдела полиции. Лэсси Кор – стажерка, единственная девушка среди опытных коллег. Что же связывает их? Конечно же, служба и расследование дела о таинственном маньяке-убийце, не оставляющем следов. Официально Лэсси в нем не участвует, но когда это останавливало решительных юных особ? А еще имеется некая тайна... Правда, Лэсси об этом пока не знает, но когда узнает... кому-то несдобровать!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110114-5

© Измайлова К. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Кира Измайлова

Пес и его девушка

Разработка серийного оформления О. Закис

Иллюстрация на переплете С. Дудина

© Измайлова К. А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Глава 1

– Ну, что сказал док? – вместо приветствия поинтересовался Килли Анн.

– Как всегда. – Начальник седьмого оперативного отдела выразительно потер бедро. – Бандитские пули изрешетили меня всего, а потому мне нужно в отпуск, долечиваться. Причем лучше всего – на цепи и в вольере, чтоб не бегал в управление проверять, как вы тут без меня справляетесь.

– Не вариант, – помотал стриженной белобрысой головой Килли. – Ошейник ты снимешь, замок вскрыешь... Тебя только если в бетонный подвал посадить, но ты ведь подземный ход выраешь!

– Вырою, – подтвердил начальник, рыжий здоровяк. – К тому же в подвале условия для лечения так себе. Холодно, сыро.

– Бывают отапливаемые подвалы.

– У тебя есть такой на примете? Нет? Ну вот и не выдумывай.

– Может, тебе на пару недель отправиться куда-нибудь... – Другой оперативник, такого же могучего сложения, как начальник, только еще более массивный, неопределенно покрутил пальцами в воздухе. – В теплые края? Море, солнце, красивые девицы?

– Брось, Сэл! Зная Дайсона, уверен: он ни одну девицу склеить не успеет, – отмел эту идею Килли. – Прямо по приезде выловит из моря труп... или даже у себя в номере найдет. Или еще в поезде кого-нибудь грохнут. Ну Дайсон и начнет строить местную полицию, чтоб работали поживее, а чужих-то всегда гонять сложнее, чем нас!

– Точно, я и забыл, что у него талант влипать во всякое...

– Сама по себе мысль хорошая, – проворчал Дайсон, хмуря брови – неожиданно темные при рыжих волосах. Впрочем, эти волосы с его смуглой кожей смотрелись... своеобразно. – Только док сказал, что мне нужно как можно больше времени проводить... хм... поближе к природе. И не лежа на пляже лежать, а двигаться, только без фанатизма, в умеренном темпе, но постоянно. Понятно?

Сэл и Килли переглянулись и тяжело вздохнули. Что уж тут непонятного... Это, скорее, сотрудники других отделов не могли взять в толк, отчего «семерки» так веселятся, когда рассказывают, что Дайсон на них всех собак спустил за какую-нибудь оплошность или что он сегодня злой, как цепной кобель, лучше не подходить без крайней на то необходимости.

Впрочем, и не все «семерки» понимали этот специфический юмор. Оно и к лучшему: такие козыри лучше приберегать до поры до времени, довольно ворчал Дайсон. Те, кто начал службу с тогда еще не шефом Дайсоном, а простым оперативником Роттом, знали. Ну и начальство, ясное дело, было в курсе. Остальным не полагалось.

– Хочешь, я тебя к своим предкам за город пристрою? Там двор большой, воздух свежий, речка рядом, – предложил Сэл. – Можно плавать, по полям-лесам бегать, зайцев гонять, овец пасти, опять же.

– Иди ты!

– Чего сразу «иди ты»? Тебя надо подальше от управления держать, иначе ты не удержишься и лечиться будешь не две недели или сколько там док сказал, а два месяца! А работать вместо тебя кому?

– Найдется. Стажерку не видели, что ли? – мрачно буркнул Дайсон. – Пускай трудится. У нее энтузиазма на пятерых хватит.

– Она же зеленая совсем. Ты сам велел ее за бумажки посадить, чтобы под ногами не путалась, – напомнил Килли.

– Ага, а я ее из мертвецкой выносил, когда очередного жмурика привезли, а ты ей велел пойти заключение эксперта забрать. Только забыл предупредить, что Гутсен частенько обедает за рабочим столом. Чтоб, значит, не терять времени понапрасну...

Сэл сдавленно захихикал: в его исполнении это звучало так, будто кто-то душил трубящего слона.

– Она что, в морге никогда не бывала? – снова нахмурился Дайсон. – И вообще, я ее уже брал на место преступления, и ничего. Позеленела слегка, отошла продышаться, но и только.

– Я спросил, когда она очухалась. Говорит, в морге все совсем по-другому. Ну, то есть вскрытое тело и вынутые органы – это не так уж страшно, и там она сознание не теряла, даже в первый раз. Ну, с непривычки-то многие того... кто блюет, кто в обморок. Я, точно помню, травил в уголок – нам... хм... препарат достался сильно разложившийся, мы от этого аромата потом несколько дней отмывались – так и мерещился повсюду, даже в каффе. А на месте преступления... по-моему, она больше переживала, что ты ей не позволишь все там осмотреть, чем потрошеного покойника боялась.

– Хватит болтать. – Дайсон недовольно поморщился: ему тоже было что припомнить. – Что в итоге с ней оказалось?

– Да ничего особенного. Ты же знаешь Гутсена!

– Еще б я не знал. Иногда думаю: не возмись он потрошить покойников, рано или поздно взялся бы за живых. Пусть лучше на глазах будет.

– Ну вот. У него и в тот раз была... хм... как это, Килли? Забыл слово...

– Инсталляция?

– Она самая. Я, когда Гутсен позвонил и велел забрать тело и дело, в смысле, стажерку нашу с заключением вместе, и то вошел и попятился. – Сэл ухмыльнулся. – Тихо, прохладно, музыка играет, кругом кишки живописно разложены, на спиртовке каффа варится, а Гутсен сидит и с удовольствием обедает.

– Кишками?

– Да нет, гуляшом из судочка. Только посудина эта в форме черепа: говорит, жена подарила. И подлива красная, знаешь, стекает... Он бедняге и предложил попробовать, как порядочный человек.

Дайсон не выдержал и захохотал на все управление.

– Ладно, раз так, то я могу понять девчонку, – сказал он, отсмеявшись. – Пес с ней. Пускай дальше трудится. Кстати, много она успела сделать, пока я в госпитале валялся?

– Скажу так: поставленную задачу выполнила и перевыполнила, – ответил Сэл, оставленный заместителем на время отсутствия начальника.

– И наверняка замучила всех, кто попался под руку. Ей бы дятлом родиться, – не удержался Килли, и они снова захохотали.

– Кстати, а где она? – спохватился Дайсон, взглянув на часы. – Время...

– Сказала, что прямо из дома пойдет опрашивать всяких молочников, булочников и разносчиков газет, – ответил Сэл. – Они же до рассвета начинают работать, так что могли что-то видеть. А ловить их проще на привычном маршруте.

– Если ты остановишь молочника на маршруте, он тебе бидоном по башке врежет, и скажи спасибо, если не полным. У них время – деньги.

– Я так и сказал. А она заявила, что будет ехать рядом с фургоном на велосипеде и по пути расспрашивать.

– Фургон ладно, он медленно едет, чтоб не расплескать, но она что, и за газетчиком угонится? – удивился Килли. – Они же носятся, как...

– Забыл уточнить. Но судя по настрою... – Сэл вздохнул. – Угонится. И даже перегонит. Не зря же у нее по физподготовке такие оценки.

– Хватит, – поднял руку Дайсон. – Неприлично обсуждать девушку в ее отсутствие.

– Шеф, но мы же о профессиональных качествах говорим, а не... – Килли лапищами выразительно обрисовал в воздухе женскую фигуру.

– Неважно. Ты знаешь, слушает нас кто или нет?

– Ты б заметил.

– Не факт. Против таких, как я, тоже приемы имеются. – Дайсон поднялся, прошелся по кабинету, и стало видно, что он заметно прихрамывает. – Сэл, ты снова остаешься за меня. А вот что мне самому делать... не на цепь же сажать, в самом деле? Силы воли на то, чтоб не бегать к вам, у меня не хватит. На все хватает, а на это...

Он помотал тяжелой головой.

– Слушай-ка... – сказал вдруг Килли. – У меня идея! Только давайте ее не здесь обсуждать, а то мало ли... Идем в гимзал, что ли? С утра там никого.

– Нет, лучше наружу. – Дайсон выудил из угла трость, с отвращением посмотрел на нее и похромал к выходу. – Все равно мне сейчас в госпиталь, а вам по делам бежать.

Им повезло: именно в гимнастический зал устремилась стажерка Лэсси Кор, чтобы от всей души помутузить набитый опилками мешок, воображая на его месте то шефа Дайсона, то Килли, то Сэла.

Да, она подслушивала под дверью, но... Почти не нарочно! Просто уши у нее ловят любой звук... наверно, потому, что такие оттопыренные, хорошо, под волосами не видно. И еще – Лэсси привыкла осторожно выяснять, что творится за дверью кабинета, прежде чем войти. Нет, не потому, что в нее мог полететь стул, как случается, говорят, в тройке, или заклинание, как в пятерке. Просто она до сих пор боялась сослуживцев.

Никогда ей не забыть первого дня на службе, когда начальник управления привел ее в семерку и сказал шефу Дайсону – мол, теперь она твоя. Лэсси стояла под взглядами матерых мужчин, каждому из которых приходилось в лучшем случае по плечо, и дрожала мелкой дрожью. Надеялась только, что дрожь эта не слишком заметна снаружи. Нашла в себе силы поздороваться за руку с каждым из обитателей этого кабинета, улыбнуться и продержаться целый бесконечный день...

А вечером долго плакала в подушку, потому что совсем не так представляла себе начало службы! И прекрасно понимала, зачем начальник направил ее именно в семерку: в других отделах хватало молодежи, попадались и пожилые... А тут словно нарочно подобрались мужчины такого вида, что их самих тянуло пристроить на «доску почета», то есть на стенд с портретами разыскиваемых преступников.

Больше всего пугал шеф Дайсон, хотя Сэл Горти был крупнее, а Килли Анн – выше. Шеф казался Лэсси каким-то... звероватым, подобрала она наконец подходящее слово. Вроде ни разу не сказал ничего обидного – во всяком случае, в лицо, – не задел, вел себя спокойно и ровно, но при его приближении Лэсси все равно вжималась в стену или отскакивала в угол. Докладывать тоже проще было Сэлу: он хотя бы не таращился немигающими темными глазами – не в упор, куда-то в сторону, – иногда даже шутил, а на лице худо-бедно читались эмоции.

Женщин в оперативных отделах не было. Совсем. Так-то хватало полицейских экспертов, даже несколько следователей имелось, не говоря уж о делопроизводителях, секретарях и даже регулировщиках движения. Вот только участие в расследованиях, в осмотре места преступления, в преследовании преступников и тем более их задержании считалось не женским делом. Пускай даже девушка сильна физически, отлично владеет борьбой без правил и стреляет как снайпер – все равно, в оперативники ей дороги нет.

Очевидно, кто-то наверху счел, что это никуда не годится в нынешние прогрессивные времена, и Лэсси, с ее отличным дипломом, повезло: она оказалась одной из первых, кого взяли на такую службу. Но, видимо, другие высокопоставленные лица считали, что такие нововведения преждевременны, а потому отдали распоряжение... и Лэсси вскоре сама должна была с позором покинуть семерку, не выдержав морального давления. К сожалению, они не учли

ее упрямства: она готова была хоть сутками писать отчеты, заполнять бланки, даже ходить в мертвецкую к жуткому доктору Гутсену, гоняться по всей округе за теми, кто мог быть очевидцем преступления или просто заметить неладное...

Но вот обсуждение за спиной, пускай даже шеф Дайсон вовремя его остановил – есть в нем некая толика благородства! – это уже совсем иное. Лэсси и без того понимала, что мужчины посмеиваются над ней – куда, мол, залетела, птичка! – но услышать такое оказалось... Слишком!

С этим словом она и врзала по мешку так, что он лопнул по шву, посыпались опилки. Ну вот, теперь еще и смотритель зала станет ругаться, вычтут из жалованья, и без того невеликого...

– Да ни один за мной на велосипеде не угонится! – бормотала она, стоя под душем и смывая злые слезы. – И так не догонит... Какие из них бегуны, этикабы кабаны!

А самое главное: она не успела сказать шефу, что узнала кое-что интересное, когда колесила утром по району, где случилось очередное убийство! Теперь если только вечером его поймает, но если он поехал в госпиталь... может, вернется не скоро: Лэсси слышала, как его отделали, еще до ее появления. Он то и дело исчезал, и она подслушала: раны дают о себе знать, нужно лечиться всерьез, забыть о службе хотя бы на пару недель, а лучше на месяц. Увы, с Дайсоном такой фокус не пройдет, его даже к койке привязывать бесполезно – уйдет вместе с ней.

И будто он станет слушать! Кивнет, как обычно, примет рапорт и велит отправляться домой – рабочее время давно вышло. Можно подумать он сам и прочие соблюдают график!

Они в управлении, бывает, ночуют: в этом Лэсси была уверена, потому что однажды в поисках запасного кипятильника, за которым ее послал Сэл и который был сокрыт в недрах монструозного шкафа, наткнулась на свернутые одеяла. Нет, можно было предположить, что семерка время от времени – о да, в редкие выходные, которые никогда ни у кого не совпадают, – выбирается на природу, чтобы пожарить на костре мясо и выпить, или даже в поход... Но Лэсси сильно в этом сомневалась: от одеял не пахло ни дымом, ни травой, ни землей, только старой пыльной бумагой, которой в шкафу хватало, а еще – самими «семерками». Не то чтобы Лэсси могла претендовать на звание мастера-нюхача, но обоняние у нее было тонким, и она могла различить едва заметный запах одеколона шефа, Сэла, любимого курува Килли и еще почему-то псины. Может, у кого-то есть собака? Или была, и ей позволялось спать на этом одеяле, а потом оно перекочевало сюда – старое ведь, но сойдет переночевать на полу? Спросить Лэсси постеснялась. Нет. Побоялась, так честнее.

Когда она спустилась в кабинет, там обнаружили только Сэл и Килли – остальных, наверно, успели разогнать по заданиям, а может, они и вовсе не появлялись, сразу отправились по своим делам, как Лэсси поутру.

– Опаздываете, – сказал ей Сэл вместо приветствия.

– Я предупредила почему!.. – вспыхнула Лэсси.

– Да, но последний молочник и тем более газетчик убрался с улиц... – он выразительно взглянул на часы, – довольно давно.

– Я была в гимзале. – Лэсси заставила себя успокоиться. – Спросите служителя, он подтвердит. И я задержусь и отработаю положенные часы и даже сверх того, потому что...

– Ну что вы так негодуете, право слово? – перебил Килли. – Обычный вопрос, и... Осторожно!

Лэсси успела схватиться за стол и только потому не упала, споткнувшись о громадного черного пса, разлегшегося в проходе.

– О... откуда?.. – только и смогла выговорить она.

– А, это наша общая беда, – мрачно ответил Сэл и протянул псу кусок ливерной колбасы. Тот презрительно отвернулся и снова положил голову на передние лапы. – Под списание идет.

– П-почему?

В управлении было много ищеек, точно, но этого пса Лэсси прежде не встречала. Сложно не запомнить подобную громадину – он, казалось, занимал собой все пространство между столами, а там могли, хоть и не без труда, разминуться Сэл с шефом.

– По совокупности факторов. Возраст – раз. Ранен не один раз, хромает – два. По следу идет хорошо, но медленно – три. Ну и так далее.

– Но... но разве таким собакам не разрешают дожить... ну... в питомнике? – выдавила девушка.

– Не всем, – еще более мрачно сказал Килли. На лице его читалась вселенская скорбь. – Этот кобель вдобавок ко всему норовит... э-э-э... покрыть любую... э-э-э... дамочку. Породу портит, одним словом. И куда ему в производители? Возраст, говорю, уже не тот, пускай он и не старик еще... А запирасть бесполезно: подкоп сделает или вольер разломает, проходили, знаем. Не на цепи же держать все время?

Пес глухо заворчал.

– Видите, будто понимает!

– Ну и еще, хоть работать он точно еще может, – добавил Сэл, – нового хозяина не признаёт.

– А прежний?..

– Погиб. Тогда и пса изрешетили, но ему больше повезло, выжил. Но кто ни пробовал за него взяться, отступились: пес их ни во что не ставит. И есть отказывается.

– Что-то не похоже... – пробормотала Лэсси, глядя на лоснящуюся черную шкуру, крутые бока и мускулистую спину.

– В смысле, в своем вольере ест, – выкрутился Сэл, – а из рук у кого-то ничего не берет. Вот и маемся: держать его там нельзя, потому что удерет и натворит дел, а нового хозяина нет. Я бы сам взял, он меня знает, но не идет, и все тут. В смысле, ночь у меня побыл: как лег у порога, так и лежал. Утром встал, гавкнул – пошли, мол, на службу. И все.

– Я б тоже попробовал, но меня жена из дома выгонит, она собак боится, – добавил Килли и помахал перед носом у пса лакомством. – Видите? Даже на ливерную колбасу не реагирует, а ведь всегда ее любил.

– Одним словом, завтра утром – пуля в лоб, – заключил Сэл. – Мы думали ему... ну... отвальную устроить, ведь сколько раз он нас вырчал, но что-то не выходит.

Лэсси только сейчас заметила, что на столе шефа Дайсона, прямо на бумагах, стоит миска с аппетитными кусками вырезки и той самой колбасой, нарезанной здоровенными ломтями.

– Шеф вас убьет! – вырвалось у нее.

– Нет, он разрешил. Жалел, что не сможет сам тезку проводить, но его док загнал на какой-то курорт, чтоб не было соблазна в управление прискакать. Через две недели должен вернуться, а пока Сэл за него.

– Пойдите, я не понимаю... – Лэсси забыла даже о страхе перед старшими сослуживцами. – Неужели нельзя укрепить вольер? Ну, чтобы пес не убежал?

– Можно. – Килли потянулся к псу, желая погладить, но тот негромко заворчал, и мужчина предусмотрительно убрал руку. – Но это не жизнь. Он работать привык, а не валяться пузом вверх. Сидит у решетки и ждет, ждет, когда придет его человек и они снова займутся делом... А приходят другие. Он дается, конечно, воспитанный, но вольностей с собой не позволяет. Видели же, как зарычал, а он меня сто лет знает...

– Бывают такие однолюбы, – подал голос Сэл, и пес повернул тяжелую башку в его сторону, шевельнул ушами. – Знал я пса, у него трех хозяев убили, а на нем ни царапинки. Добрый был, людей любил, привыкал быстро. Этот не такой. Ну и зачем нужен пес, который работать может, но не хочет? Может, кто и найдет к нему подход, но это желание нужно, терпение, да еще сколько времени... А время – деньги.

– Пуля в лоб быстрее. И дешевле, – поддержал Килли. – И даже как-то гуманнее.

– Подождите, но... но... – у Лэсси перехватило дыхание. – А что, обучить такую собаку – не дорого? И он не такой уж старый, вон зубы какие, а... а его в расход только потому, что никто не берется к себе приучить? Только потому, что времени жалко?

– Не спрашивайте. Откуда нам знать, что там начальство думает. Попросили вот привести его к нам напоследок – раньше часто гостили с хозяином, – но он, говорю же, не ест, – напомнил Сэл. – Ладно, мясо сами пожарим да слопаем...

Лэсси осторожно, в два приема переступила через пса, наклонилась и посмотрела на него поближе. На черной морде выделялись яркие рыжие подпалины, мокрый нос едва заметно шевелился, а висячие, шелковистые даже на вид уши подрагивали. Карие глаза уставились на нее из-под рыжих бровей, исполненные такой нечеловеческой тоски, что Лэсси замерла на месте.

А потом присела на корточки и бесстрашно погладила огромную собачью голову. Пес взглянул на нее с удивлением, но подставил левое ухо, рассеченное шрамом, а затем встал, оказавшись выше Лэсси, и положил башку ей на плечо – мол, гладь дальше. Она пошатнулась, но не упала, и то лишь потому, что держалась за могучую шею.

– Дай ей... мяса дай... – зашипел Сэл, и Килли сунул Лэсси в свободную руку что-то мягкое, влажное...

Пес, впрочем, понял, что это такое, быстрее, чем девушка, выхватил кусок вырезки и проглотил.

– А вы говорили, ни у кого не берет... – со смешком выговорила Лэсси, встав во весь рост. Руки у нее были обслюнявлены, сама она наверняка уже пропахла псиной после этих объятий, но... Пес сел и смотрел на нее снизу вверх, явно требуя продолжения пиршества.

– Значит, вы его и возьмете, раз ему женская рука по нраву! – перебил Сэл, подсунув ей еще кусок мяса.

– Что?! Подождите, я не могу, я же на съеме живу, туда с собакой не пустят!

– Ничего, мы попросим – пустят, – улыбнулся Килли и пошире развернул могучие плечи. – Он воспитанный, мебель не портит, дела только на улице делает. Линяет, правда, но это уже мелочи. Вычесать можно.

– Но... Я его не прокормлю... – выговорила Лэсси, отдав псу очередной кусок мяса и представив, сколько он способен сожрать. – И я совсем не умею обращаться с собаками!

– Не переживайте, ему полагается довольствие. А командам вас живо обучат – идите прямо сейчас в питомник, там дежурит лейтенант Кирц, я ему сейчас позвоню... Он вам все и расскажет. Тем более Дайсона он знает преотменно.

– Дайсона?..

– Да, я же сказал – они тезки. Назвали в честь нашего шефа, – ухмыльнулся Килли. – Вы только подумайте, а? Будете командовать: Дайсон – вперед, Дайсон – взять, Дайсон – к ноге, сидеть, лежать! А он станет беспрекословно слушаться, потому как обязан, а возразить все равно не может, хотя всё-о-о понимает!

Они с Сэлом зашлись сдавленным смехом, а Лэсси посмотрела на пса.

– Знаете, – сказала она, – он, похоже, действительно понимает ваши слова.

Пес оскалился во всю пасть и пару раз стукнул по полу хвостом толщиной в руку Лэсси. Судя по выражению его взгляда, он не только всё понял, но и хорошенько запомнил.

Глава 2

Проход по управлению с псом на поводке и дальше – через двор, к служебным вольерам и площадкам, – Лэсси мечтала забыть, как страшный сон. Из всех кабинетов высыпали сотрудники, таращились на нее, как на диковину, и только шепоток проносился по коридорам: «Смотри, смотри, Ухожора повели!»

– Почему ухажера? – едва слышно спросила Лэсси.

– Не ухажера, а Ухожора. Он однажды на задержании подозреваемому ухо откусил, – пояснил Килли. – Ухо пришили, а прозвище осталось. Ну, знаете, как в том анекдоте: стоило один раз...

– Цыц! – рявкнул Сэл. – Не при девушке.

– Я знаю этот анекдот, – храбро сказала Лэсси, хотя уши у нее загорелись. Хорошо, под стрижкой их действительно не видно. – Неужели он больше никогда никому ничего не откусывал?

– Ну... всякое случалось, – уклончиво ответил Килли. – Но обычно он зубы в ход не пускает. Сбивает с ног и аккуратно берет за горло, этого достаточно. Нет, конечно, если человек вооружен, тогда... Это вам Кирц объяснит, я не знаток, просто видел пару задержаний – впечатляющее зрелище, скажу я вам.

– Понятно...

Лэсси посмотрела на пса. Тот шел рядом вальяжной походкой, заметно прихрамывая на заднюю правую лапу. Да... если такая громадина налетит и с размаху ударит грудью – та шириной не уступала, кажется, груди Сэла, – мало не покажется. А если пойдут в ход зубы...

А на спине у него, подумала девушка, вполне можно ночевать. Или верхом кататься: пес был ей ростом не по пояс, конечно, но до середины бедра, так что если поджать ноги...

«Тьфу, о чем ты думаешь!» – встряхнула Лэсси головой. Действительно, лучше бы поразмыслила о том, как отказаться, пока не поздно! У нее никогда не было собак, она не имела представления, что с ними делать и как общаться помимо команд... И как быть, если этот монстр вдруг решит, что он хозяин в доме, и перестанет слушаться? Может, пускай он лучше живет в вольере, а Лэсси будет забирать его по утрам?

Об этом она и спросила Сэла, но тот покачал головой:

– Сказано же, разбирает он этот вольер, как нечего делать. Скучно ему. Он общество любит: прежний хозяин рассказывал, если гости придут, так Дайсон не успокоится, пока всех не стонит в одну комнату, чтобы на виду были. А потом ляжет на пороге и будет слушать, о чем говорят.

– Ничего себе...

– Если что, вы нам звоните или Кирцу, все телефоны мы вам дадим.

– Ладно... Хорошо... Конечно... – выговорила Лэсси. – А... а на службу-то как? С ним вместе приходиться? Мне же надо опрашивать людей, и куда я с собакой?

– А что такого? Он умеет быть очень обаятельным, когда хочет. Старушки и детишки млеют, – захихикал Килли. – Ну, и вам же спокойнее будет, а то мало ли на кого в подворотне наткнетесь.

– У меня оружие есть, – вспыхнула девушка, – и я умею им пользоваться! И драться умею! И...

– Да помним мы, что вы отличница боевой и служебной подготовки. – Лапища Сэла легла ей на плечо, и Лэсси почувствовала, как подкашиваются ноги. – Только неопытная. Без обид. Так-то вообще не следует вас без напарника отпускать, но у нас людей в обрез.

– Этот напарничек получше человека, – добавил Килли. – Верно, Дайсон?

Пес неопределенно фыркнул.

– А... а можно называть его Ухожором? – выдавила Лэсси. – Я... ну... мне кажется, на все управление кричать «Дайсон, ко мне!» – это уж слишком. Все будут смеяться, да и шефу не понравится, уверена.

– Если станет отзываться, почему нет? Вот, пришли... Кирц! Кирц!..

Лязгнул замок, взвизгнули петли, отворилась створка сетчатых ворот, и Лэсси оказалась в собачьем царстве. И удивилась: ни одна собака не залаяла. Они смотрели на нее сквозь сетки вольеров... или не на нее – мало ли сюда приходит людей, – а на Ухожора. Тот тоже взглянул по сторонам, коротко фыркнул и невозмутимо пометил столбик ворот.

– Опять этот крокодил, – с мученическим видом произнес немолодой уже мужчина, одетый не в форму, а в потрепанный рабочий комбинезон. В одной руке у него был черпак – наверно, раздавал собакам еду. – Я-то уж надеялся, что больше не встретимся...

Пес все так же невозмутимо задрал лапу на его сапоги, но Кирц успел отскочить.

– Каждый раз вот так, – проворчал он и погрозил псу черпаком. – Зачем вы его приволокли? Пришел же приказ на списание!

– Прийти-то пришел, – Сэл приобнял сухощавого лейтенанта за плечи, – но тут дело такое... Нашелся новый хозяин.

– Да брось! Неужто все-таки кого-то из вас признал?

– Ага. Вот ее. – Килли невежливо ткнул пальцем в Лэсси, а та попыталась приветливо улыбнуться. – Поэтому, друг наш Джел, исполнение приказа начальник управления притормозил при условии, что пес снова станет работать. Пускай даже не с кем-то из двойки, а с нами. Потому как, сам понимаешь, тренированного и еще не очень старого пса взять и пристрелить – это сплошной убыток, наша стажерка правильно сказала.

– Убыток – это сколько он жрет...

– Можно подумать, ты из своего кармана платишь, – перебил Сэл. – Словом, вот тебе свежеспеченные напарники, займись. А то девушка, по-моему, собаку вблизи первый раз видит, а что с ней делать, вообще не представляет. Преподай курс молодого бойца, идет?

– За нами не заржавеет, – подхватил Килли. – Опять же, начальство разрешило. Может, она потом в двойку переведется или к тебе. Ты давно говорил, что людей не хватает на такую свору!

«Ах вот что вы задумали! Хоть так, хоть этак, но избавиться от меня?» – разозлилась Лэсси, но постаралась не выдать гнева. Никуда она переводиться не станет, и точка!

– Постойте! – опомнилась она, увидев, что коллеги удаляются, а ворота закрываются. – Погодите, не бросайте меня! Вы же обещали с квартирной хозяйкой поговорить! И о довольствии!..

– Обещали – сделаем, – невозмутимо отозвался Сэл, и вскоре они с Килли скрылись за поворотом.

Лейтенант смерил девушку взглядом и тяжело вздохнул.

– Однако и встряли же вы...

– Лэсси. Лэсси Кор, стажер, – поспешила она представиться, а то вдруг эти двое забыли назвать ее имя.

– Знаю я. Все управление знает.

– О чем? – удивилась она.

– О том, что в семерку девушку подселили. Ставки делают, долго ли продержитесь. Дайсон – не этот, а ваш шеф – уже два раза продул. И остальные по разу. Один Килли в выигрыше.

– Э... – только и смогла выдать Лэсси.

То есть за ее спиной коллеги делают ставки и... и... Слов приличных нет!

– Ну, чего стоим? Собаки ждут, – кивнул ей Кирц. – Раз угодили на кормежку, пойдемте, покажу, что у нас тут за кухня и чем кормить этого проглота. И сколько. А то он, если переедает и сидит без дела, быстро жиреть начинает.

– Гр-р-р... – негромко, но угрожающе произнес Ухожор.

– Что, неправду будто говорю? – махнул на него черпаком лейтенант.

– А я... а я на велосипеде езжу от дома до управления и вообще по делам, – расхрабрилась Лэсси. – Если он со мной будет бегать, это же полезно? То есть если ему можно, а то он же хромает...

– Не только можно, а и нужно – лапу разрабатывать. Идемте, стажер, дел по горло, передохнуть некогда, а мне еще вас дрессировать...

«Вас – это нас с Ухожором или только меня? – задалась вопросом Лэсси. – Наверно, только меня, он-то команды знает».

Что служба у лейтенанта и его подручных нелегкая, она поняла быстро: раздай всем миски, причем не перепутай – у разных собак разная диета, кому-то положены одни витамины, кому-то другие, а то и лекарства, – налей воды, убери грязные миски. Потом все это нужно перемыть, кое-кому поменять соломенную подстилку, а еще – непременно погладить тех, кто жаждет общения и засиделся без дела...

– Любая животная ласку любит, – говорил Кирц, когда они присели на минуточку и он закурил. – Собака особенно. Так что даже этого крокодила гладить нужно. Но не слишком часто, а то обнаглеет и полезет на кровать.

– Да я на ней одна-то едва умещаюсь, – фыркнула Лэсси.

– Ну вот, значит, пойдешь спать на коврик, а он устроится на матрасе.

В процессе работы лейтенант начал говорить ей «ты», а Лэсси не возражала.

– Ладно... Сейчас докурю, объясню тебе основы, – сказал Кирц наконец, – а Ухожор пока переварит. На сытое брюхо он неважно соображает.

– Гр-р, – с достоинством ответил пес, рухнул Лэсси под ноги как подстреленный и смачно всхрапнул.

Говорил лейтенант долго. Лэсси записывала, но все равно голова пошла кругом от обилия сведений: никто из ее знакомых, державших дома собаку, о подобном и не упоминал. Впрочем, у них же были не служебные... Вдобавок тех брали щенками, они знали хозяев, а вот Ухожор... Признаться, Лэсси побаивалась ночевать с ним в одной комнате. Он слушался, конечно, – она и не знала, что собака может знать столько команд! – но то при инструкторе, а как-то поведет себя наедине с ней?

– Полагаю, план очень простой, – сказала она псу, усаживаясь на велосипед и выкатываясь из ворот управления. – Эти мерзавцы решили разом избавиться и от меня, и от тебя. Хотя ты и так... приговоренный. И не тормози у каждого столба, за мной! Рядом!

В самом деле, если Ухожор останавливался, то вынужденно останавливалась и Лэсси – весовые категории у них были несопоставимы, даже если считать девушку вместе с велосипедом. Вдобавок сила и четыре опорные лапы делали пса куда более устойчивым, чем шаткую конструкцию на двух колесах со всадницей. Спустить же его с поводка она опасалась – мало ли... Понятно, что Ухожора ей не удержать в случае чего, но вдруг хотя бы успеет примотать поводок к столбу?

– Так вот, – продолжала Лэсси, кое-как заставив пса бежать с ней бок о бок. Сильно не гнала, не нагружать же его в первый день. – Думаю, они рассчитывают, что ты меня сожрешь или хотя бы понакусываешь, и тогда тебя пристрелят с чистой совестью. Минус две проблемы в управлении. Как полагаешь?

В ответ Ухожор гулко гавкнул, перепугав всех окрестных ворон и голубей. Ему отозвались дворовые собаки, даже из окна многоэтажного дома истошно затявкала комнатная собачка.

– Не делай так больше, – попросила Лэсси, потрогав ухо, в котором здорово звенело. – Иначе меня выгонят с квартиры, и что прикажешь делать? Переселяться в твой вольер?

Судя по довольной морде Ухожора, он не имел ничего против.

* * *

Квартирная хозяйка появлению нового жильца ожидаемо не обрадовалась.

– Я полагала, вы порядочная девушка, съе Кор, – поджав губы, сказала она и с заметным отвращением посмотрела на громадного пса. – Вы хотя бы представляете, что это чудовище сотворит с моей мебелью и полами?

– Он будет спать на специальном коврикe. – Лэсси продемонстрировала объемистый тючок. – К кровати я его и близко не подпущу, клянусь!

– А пол? Он же исцарапает его когтями!

По мнению Лэсси, этим полам уже ничто не могло повредить, даже если бы там гарцевала дюжина лошадей или кордебалет на каблуках, но она смиренно сказала:

– Я покрашу их сама, если придется.

– А запах? От собаки страшно несет псиной, а еще шерсть...

– Мы завтра вымоем его как следует в питомнике, а шерсть я буду выметать каждый день, обещаю. Или даже пылесос куплю!

– Как это все-таки некрасиво с вашей стороны, съе Кор, – покачала седой головой хозяйка. – Я сдала комнату порядочной юной девушке, и что же? Ко мне являются какие-то... мордовороты, тычут в лицо жетонами и приказывают – приказывают, не просят! – сделать исключение и допустить в дом собаку! Как изволите, но со следующего месяца я договор с вами продлевать не стану, и никто меня не разубедит. Даже эти ваши...

– П-простите, съе Ланн. – Уши у Лэсси снова загорелись. – Они сказали, что попросят... но как я могла подумать, что они будут так грубы с вами? Я... я...

«Самое время заплакать», – решила она, тем более что целый день хотелось, но не было возможности, осела на стул и разрыдалась, спрятав лицо в ладонях.

– Что с вами? Ох... Выпейте воды, слышите? Съе Кор? Вот... – Старушка совала ей стакан, но Лэсси отмахивалась, размазывая слезы по лицу. – Боги всемогущие, бедная девочка, как же вы работаете с такими людьми!

– Они хорошие, только грубые, – всхлипнула Лэсси, но та не услышала, продолжала свое...

– Девушке не место на такой службе, – строго говорила хозяйка. – Шли бы вы помощником стряпчего – один мой племянник там служит, мог бы спросить насчет места, – или еще куда, с вашим-то образованием где угодно возьмут! Подучитесь, сможете даже свое дело открыть... А среди таких мужчин добра вам не будет, милая, выживут вас, вот последний собственный зуб даю – выживут! Только зря потратите лучшие годы, а чего ради? Доказать, что вы не хуже?

Лэсси покивала.

– Меня одну из всего выпуска, из девушек то есть, взяли в оперативники, – гнусаво проговорила она, потому что нос заложило от слез. – И я ни за что оттуда не уйду, ни в стряпчие, ни куда-то еще! Я ведь даже службы еще не видела, только бумажки, бумажки... Вот опросила несколько человек, а что толку, если мой рапорт куда-то засунули и забыли?

«Неправда, я прочитал! – ответил бы Дайсон, если бы мог. – И забыл сказать, что составлен не по форме, да».

– И я не успела рассказать шефу кое-что важное, – снова хлопнула носом Лэсси. – Хотела с утра, но он уехал. Теперь он когда еще вернется, а заместитель меня вообще не слушает...

«Укушу Сэла за задницу», – пообещал Дайсон и снова обратился в слух.

– Ну ничего, ничего. – Старушка-хозяйка обняла девушку и гладила по плечам, по темным волосам. – Всё как-нибудь устроится... Вы-то, съе, хотя бы сами из столицы родом, роди-

тели рядом, а уж каково было нам, кто из глухомани приехал, а кругом все чужое, незнакомое... Вспомнишь – не поверят!

– Я бы послушала. – Лэсси вытирала слезы, но они все равно лились. – Ну, то есть если вы не против. Я и так доставляю слишком много хлопот.

– Что там за хлопоты... Только пса держите подальше от кладовой.

– Конечно! Ему нельзя переедать, поэтому кормить я его буду только на службе!

– Ну, наверно, от маленького кусочка сыра с ним ничего не случится? – Хозяйка посмотрела на пса. Тот выразительно постучал хвостом по полу и улыбнулся во всю пасть.

– Н-нет, наверно... Только очень маленького! – сказала Лэсси, посмотрела, как старушка скармливает непрошеному постояльцу сыр, и добавила: – А ведь правду сказали, пожилые дамы и дети от него в восторге...

– Не могу сказать, что я в таком уж восторге, – проворчала съе Ланн, присев на табуретку напротив и машинально потрепав Дайсона по ушам. Куда только подевалось отвращение! Или оно было наигранным? – Однако, вижу, пес действительно воспитанный. Каким же еще ему быть, если он служебный? Надеюсь только, ему не приснится, как он догоняет преступника, и я не услышу вой и лай посреди ночи...

Дайсон не удержался, встал и смачно лизнул ее в лицо, чуть не сшибив очки.

– Нельзя! – Перепугавшись, Лэсси попыталась оттащить его за ошейник, но какое там, даже с места не сдвинула. – Ты что творишь?!

– Балуется. – Съе Ланн вытерла лицо салфеткой, поправила очки и строго посмотрела на Дайсона. – Сразу видно, дамский угодник.

– Э... да, мне так и сказали, – сконфузилась Лэсси. – Только... ну... имели в виду собак.

– Не сомневаюсь. Ну, не смотрите на меня так! Я на ферме выросла, там псы и побольше имелись, я их нрав с одного взгляда различаю.

– О... Понятно. А у этого какой? Нрав?

– Прескверный, – ни секунды не колеблясь, ответила старушка. – Я бы даже сказала, паскудный.

Лэсси приоткрыла рот: такие слова из уст этой почтенной съе!

– Вы ему явно понравились, милая, – продолжала та, – поэтому вам вряд ли что-то угрожает. Разве что это чудовище вас придавит, если решит поспать на кровати, но вы обещали его даже близко не подпускать, не так ли?

– Ни в коем случае! Я... мне вовсе не хочется спать в одной постели с псом, тем более мы там вдвоем и не поместимся, – скороговоркой произнесла Лэсси, вспомнив слова лейтенанта Кирца. – У него свой коврик, и точка!

– Искренне надеюсь, что вы сдержите слово. Так вот, вы ему нравитесь. Хозяйкой он вас не считает, но в качестве человека для чесания ушей сгодитесь. – Съе Ланн приспустила очки на кончик носа и внимательно посмотрела на Дайсона. – Во всяком случае, так будет до тех пор, пока он не сочтет вас достойной напарницей.

– Ничего себе...

– А вы думали, все так просто?

– В питомнике мне ничего подобного не говорили.

– Может, опасались, что вы откажетесь от такой сомнительной чести?

– Нет, я бы уже не смогла, – помотала головой Лэсси. – Его бы иначе завтра пристрелили, потому что хозяин погиб, а новых он не признавал. Выбрал вот меня почему-то.

– Поди пойми, что в этой голове делается, – проворчала старушка и снова погладила Дайсона. – Вон, бровями шевелит, думает о чем-то. А может, блоха его кусает, только он никак не сообразит, где именно...

– Блох нет! – тут же сказала девушка. – Всех собак в питомнике обрабатывают от паразитов! И... вы начали про характер, только отвлеклись, съе Ланн.

– А, да... Характер паскудный, этим все сказано. Если ему кто не приглянется – станет пакостить, а мелко или по-крупному, это уж как повезет.

Лэсси вспомнила, как пес задрал лапу на лейтенанта Кирца, и прыснула.

– Вижу, понимаете, о чем я, – покивала старушка. – Собственно, это все, что я могу вам сказать, милая: я ведь впервые вижу этого кобеля. Но, как видите, еще кое-что помню...

– А почему вы сами не держите собаку? – осмелилась спросить Лэсси. – Раз уж так хорошо в них разбираетесь? Хотя бы комнатную? Они и едят не много, и даже выгуливать не обязательно, я слышала от друзей...

– Что же это за собака без выгула? – покачала головой сье Ланн. – Да и не понимаю я этих, маленьких, вроде дамских пуховок на ножках. Ну а пастушьего волкодава мне держать негде, да и поди прокорми его... Хотя пригодился бы – за жильцами присматривать!

Дайсон ухмыльнулся: встречался он однажды с таким волкодавом, шрам на боку до сих пор был заметен, и ухо ему располосовали тогда же. Дело окончилось ничьей: волкодав был быстрее, лохматая шкура не позволяла добраться до тела, зато Дайсон – намного тяжелее, а его удар грудью мало кто выдерживал. Но, конечно, тогда он был намного моложе, вот и ввязывался в драки – проверить себя... Сейчас обошел бы того волкодава десятой дорогой. Не юнец уже, чтобы удаль показывать.

– Ужинайте, пока горячее, – спохватилась хозяйка и загремела кастрюлями. – Завтракать опять станете на ходу?

– Да, сье, спасибо, – невнятно ответила Лэсси, откусив от ломтя хлеба. – Мне теперь еще раньше придется вставать, чтобы не опоздать к кормежке этого вот...

Она осторожно ткнула Дайсона ногой в бок, и он растянулся, заняв почти все свободное пространство – куда ни шагни, там или лапы, или хвост. Или, что намного опаснее, голова.

– Тогда ешьте и забирайте свое чудовище наверх, – велела сье Ланн. – И постарайтесь, чтобы остальные жильцы его не видели. Не хватало, чтобы из-за испуга кто-нибудь отказался от комнаты! Или, того хуже, тоже притащил пса или кота: если можно вам, почему нельзя другим?

– Да, я понимаю, сье. – Лэсси проглотила то, что было у нее во рту, и заговорила внятно: – Я договорюсь... То есть я попрошу... попытаюсь объяснить, что мы доставляем вам и другим жильцам серьезные неудобства и... и это надо как-то компенсировать. Правда, не знаю, что из этого получится...

– Пока вы никаких неудобств не доставили, хотя помыть это животное действительно не помешает, – невозмутимо ответила хозяйка. – А в случае чего счет я выставлю вашему началству.

«Вот это будет номер!» – Дайсон подскочил, чуть не своротив головой стол.

– Кажется, он привык к вольеру, они просторные, – чуть заикаясь, сказала Лэсси. К счастью, посуда не побилась, ничего не упало на пол. – А в доме жить совсем не умеет. Хотя вроде бы он жил с прежним хозяином...

– Вероятно, у того было побольше места. Пускай поскорее учится вести себя в моем доме, иначе я действительно откажусь продлевать с вами договор, – без тени улыбки произнесла сье Ланн. – Доброй ночи. Посуду оставьте.

– Я сама вымою...

– Милая, вы засыпаете на ходу, а с утра у вас не будет времени. Оставьте, право, одна тарелка и вилка – не сервиз на две дюжины персон.

С этими словами хозяйка удалилась.

Лэсси доела и посмотрела на Дайсона. Дайсон ответил ей жадным взглядом.

– Тарелку лизать не дам, – твердо сказала она. – Ничего съедобного не осталось, только немножко соуса, а его собакам нельзя, это я точно знаю, он острый. Можешь понюхать, если не веришь.

Дайсон тяжело вздохнул.

– И сыра не дам больше. Он хозяйский, а не мой, и не смотри так, я не буду отпиливать ломтик толщиной с папиросную бумагу, чтобы она не заметила. Потому что по закону подлости она войдет именно тогда, когда я этим займусь. И все равно тебе того ломтика – на язык положить не хватит. Так что подбери слюни и веди себя прилично!

Лэсси встала и быстро вымыла за собой посуду. Что бы там ни говорила сье Ланн, оставлять грязную тарелку неприлично. Служанка в доме, конечно, есть, но она убирает в комнатах, а за кухней следит сама хозяйка, так что мыть ей. Нет уж, две минуты, отобранные у сна, Лэсси не спасут, зато совесть ее будет чиста, как эта самая тарелка!

– Пойдем, – сказала она псу. – Нам на третий этаж.

Лестница была довольно крутой, а комната... наверно, лет этак сто назад здесь обитала прислуга.

«И спала вповалку, – подумал Дайсон, обнюхав углы. – Или штабелями».

В комнатке Лэсси помещались только кровать, умывальник и небольшая тумбочка. Ну ладно, еще две полки висели над кроватью. Когда же девушка раскатала коврик для Дайсона поверх уже имеющегося полосатого прикроватного, места не осталось вовсе.

– Ты мне только ногу не откуси, если я на тебя ночью наступлю, хорошо? – не без опаски сказала она. – Пойду в душ... Я быстро. Лежать! Жди!

Дайсон рухнул на пол и всем своим видом выразил готовность ждать, сколько потребуется. Правда, когда дверь за Лэсси закрылась, вскочил и быстро обнюхал ее вещи – просто на всякий случай. Ничего подозрительного, да он и не ожидал найти что-то подобное. Правда, из одной задвинутой под кровать сумки соблазнительно пахло копченой колбасой, но Дайсон играл роль воспитанного пса, поэтому только шумно принюхался и устроился на коврике. После пробежки раненая нога немного ныла, но не противно, а даже приятно. Не иначе действительно начала заживать как следует... Давно бы зажила, если б он слушал дока, но с силой воли у него бывали проблемы, вот и пришлось прибегнуть к радикальным средствам.

«Все очень просто, шеф! – сказал Килли. – Нужно каким-то образом ограничить тебе возможность приобретать человеческий облик!»

«В пятерку к заклинателю не пойду, – ответил тогда Дайсон. – Там никто не знает, что я собой представляю. Ну ладно, кто-то наверняка догадывается, но если попросить напрямую – через пять минут все управление будет знать».

«Не надо куда-то идти, шеф. Мы просто поспорим... – Килли зловеще улыбнулся. – На все твои отпускные и... и две зарплаты. На то, что ты продержишься месяц, вылечишься и вернешься к нам как новенький!»

«А если я продую, на что жрать буду?» – безнадежно спросил Дайсон. Он был азартен: кто подначил устроить ставки на то, как долго продержится стажерка, спрашивается? И ведь сам увлекся – ставил, что она вылетит, но невольно радовался, когда проходила еще неделя, а Лэсси Кор по-прежнему являлась на службу. Ну, можно сказать, что он радовался возрастающим ставкам...

«Так тебе в питомнике паек полагается, – ответил Сэл и тихо заржал. – С голоду не помрешь. Ну, и мы пару галет подкинем, мы ж не звери!»

«Вы хуже. Знаете же, что я не удержусь. У меня силы воли не хватит».

«А мы условия придумали, – вступил Килли. – Ты неотлучно будешь при нашей стажерке. Если сорвешься, она уж точно заметит!»

«Да вы совсем с ума посходили! – рявкнул Дайсон. – Она и так меня боится до смерти, а если узнает...»

«Она не узнает, если ты выполнишь условия пари, – пропел Килли. – Ты будешь сопровождать ее везде и повсюду, спать на коврике у ее ног, ну, ты понял, да?»

«Если сорвешься, тогда плохо дело, – добавил Сэл. – Мы, конечно, убедим ее молчать, но работать у нас она уже не сможет. Хотя, может, оно и к лучшему. Женщина на корабле к беде и все такое. Хотя она неплохо справляется для желторотой».

«Погодите! Как вы намерены впихнуть меня – ей?!»

«Это уже наша забота, шеф, – улыбнулся Килли. – Твое дело – подыграть. Неужели не продержишься месяц, а? Тем более на кону такие деньги! И девушка симпатичная, а ты сможешь пялиться на нее, когда она переодевается...»

«Я на кости не бросаюсь», – мрачно рыкнул Дайсон.

«Там не кости, – сказал Сэл. – Под формой не разберешь, но я ее в гимзале видел. Икроножные мышцы развиты отлично, все, что выше, тоже. Забыл? Она же постоянно на велосипеде! Вдобавок отличница боевой подготовки... Я видел, как она с такими же стажерами боролась. Отменное зрелище! Хотя нас с тобой она так через себя не бросит, силенок не хватит...»

Уболтали, сволочи... Смеялись еще: на старости лет Дайсон по молоденьким пошел, а он не стал разубеждать. Просто... Или действительно на цепь в подвал, или вот так. Спор, да на такие деньги, – не шутки, он сам себя сгрызет, если продует, и не потому, что придется жрать баланду в собачьем питомнике. Сам понимает: лечиться нужно, и серьезно, а раз не хватает силы воли удерживаться в собачьем облике, нужно задействовать внешние факторы, иначе... Иначе Дайсон может остаться без ноги, сказал док. Нехорошая была рана, а Дайсон слишком рано вскочил с больничной койки, так рвался схватить преступника. Не поймал, зато сам трижды возвращался в госпиталь – то швы разошлись, то инфекция, то еще что... Ну, когда начальник стукнул кулаком по столу, пришлось думать, как быть, вот парни и сочинили план. Не такой уж плохой: Дайсон не будет отлучен от ежедневных сводок, а еще присмотрит за стажеркой, которая что-то взялась отступать от выданных ей заданий. Ездит не пойми куда, а там, на окраинах, псов бродячих тьма – кого угодно порвут, а уж велосипедистов гонять – их любимая забава. Только к Дайсону они не подойдут, а подойдут, так живо останутся без ушей и хвостов – это не волкодавы, которым их при рождении отрезают...

Жаль только, сказать он ничего не может. Одно из условий пари: Дайсон вернется в человеческий облик только в случае чрезвычайного происшествия, причем такого, при котором служебный пес не сумеет объяснить, что ему нужно от людей, лаем и действиями. Стало быть, придется наблюдать за коллегами со стороны, закрывать морду лапами, когда они творят откровенные глупости, и надеяться, что его пантомиму поймут.

«Испытание не хуже прочих», – подумал Дайсон сквозь сон, но тут же встрепенулся. Прозвучали легкие шаги, вспыхнул свет – это Лэсси смотрела, где разлегся пес и как удобнее его перешагнуть, – погас, скрипнула кровать.

– Доброй ночи, Дайсон, – сказала Лэсси, зевнула и свесила руку.

Он привстал и коснулся ее холодным носом.

Глава 3

Обычно Лэсси спала как убитая: ей не мешал ни храп соседа за тонкой стенкой – при- выкла дома к отцовскому, ни грохот трамваев под окном – они выползали из депо еще до рассвета, но под перестук колес и звяканье отлично спалось, совсем как в поезде. В общем- то, Лэсси и будильник не всегда замечала, поэтому, чтобы не опаздывать, купила громадное механическое чудовище с жутким грохочущим звонком. Ну а чтобы проснуться наверняка, ставила будильник на верхнюю полку, накрыв жестяной кастрюлей, – от этого дребезга весь дом мог подскочить, но, к счастью, соседи вставали еще раньше, Лэсси с ними почти и не пере- секалась. Только по выходным встречалась на лестнице или в столовой, да и то с половиной еще не познакомилась.

Но на этот раз ее разбудил точно не звон. Рано – за окном и не думает светать, даже трамваи еще мирно спят и, наверно, перебирают колесами и тихонько лязгают во сне...

Лэсси помотала головой, прогоняя остатки сна, и прислушалась внимательнее. Звук доносился с пола.

– Дайсон? – спросила она, будто пес мог ответить. – Ну-ка, тихо! Что нам хозяйка ска- зала?

Он утих, но через несколько минут снова заскулил.

– Ты что? – Лэсси перепугалась, села на кровати, попыталась нашарить тапочки, но на них, похоже, улегся Дайсон.

Ночника у нее не было, а в темноте куда ни наступи – под ногу попадалось теплое и мохнатое. Лэсси кое-как, буквально ощупью переползла через пса и добралась до выключателя.

Дайсон распластался на своем коврикe, положив голову меж передних лап, а заднюю вытянул, насколько получилось. Лэсси наклонилась и потрогала его нос – горячий и сухой, а она помнила, что у собак это признак болезни. Ну, еще во сне у них такой нос, сказал лейтенант Кирц, но Дайсон не спал, смотрел на Лэсси исподлобья, моргал от света и уже не скулил – тихонько постанывал.

– Что случилось? – спросила она. – Болит что-нибудь? Ну, не от сыра же, правда? Тогда бы ты на улицу попросился, а ты... Ох, наверно, я все-таки слишком быстро ехала, а у тебя же лапа!..

«Это не ты быстро ехала, это я плюнул на советы дока и не разрабатывал ногу, – мог бы сказать Дайсон, но вместо этого лишь протяжно выдохнул. – Теперь страдаю. Не смертельно больно, конечно, но спать невозможно!»

– Я бы тебе дала таблетку, но не знаю, можно ли собакам такие, – растерянно сказала Лэсси.

«Позвони Кирцу, он скажет! А, тьфу ты, здесь телефон только у хозяйки, наверно. Она точно не оценит ночного вторжения».

– И не спросила в питомнике, что тебе давать, если вдруг... – закончила девушка и села на пол рядом с Дайсоном. – Вот я бестолочь!

Он ткнул ее носом в колено, мол, ерунда. Это он бестолочь, и Кирц тоже... И даже не выскажешь ему, потому как треклятое пари лишило дара речи надолго! Ничего, потом оптом выскажет...

– Только ты не шуми, – шепотом сказала Лэсси, глядя большую голову, – а то еще проснется кто-нибудь... Хочешь, пойдем на улицу? Хотя нет, тогда мы точно весь дом пере- будим, лестница скрипит. Может, воды тебе принести? Как это я забыла... Погоди, сейчас!

Она сняла с будильника кастрюлю, на цыпочках прокралась за дверь и скоро вернулась.

– Вот, попей, вдруг лучше станет?

Дайсон привстал, стараясь не тревожить больную лапу, поплакал немного – исключительно из вежливости. Вода отдавала дезинфекцией и ржавчиной.

– Не нравится? – спросила Лэсси, когда он отвернулся. – В душе набрала, чтобы на кухню не спускаться... хотя какая разница, все равно из-под крана. Другой нет.

Он снова улегся и вздохнул. И рад был бы не стонать, но в собачьем облике сдерживаться сложнее. В человеческом-то Дайсон съел бы пару таблеток, запил глотком чего-нибудь крепкого для лучшей усвояемости, да и заснул спокойно, а теперь так не выйдет. Устроили коллеги веселую жизнь!

– Утром первым делом к врачу, – сказала Лэсси и отодвинула кастрюлю. – То есть, как его... собачьему доктору. А то, понимаешь, всучили мне тебя, а что делать, если ты среди ночи умирать начнешь, не сказали! И куда звонить, я не знаю, разве что Кирцу, но пока ему дозвонишься, пока он доктора разбудит... И эти двое обещали оставить номера и забыли! Нарочно, уверена... Вот, кстати, сейчас запишу, что надо завтра спросить все-все номера. Уж я попрошу съе Ланн пустить к телефону, не съест же она меня? Она же не ты...

Девушка порылась в карманах формы – та висела на вешалке на вбитом в стену гвозде, поскольку места для шкафа в этой клетушке не нашлось, – выудила растрепанную записную книжку и принялась черкать в ней огрызком карандаша.

– Теперь точно не забуду...

«Ты книжку не забудь!» – фыркнул Дайсон, и Лэсси, будто поняв его, хлопнула себя по лбу, собрала выпадающие листочки, стянула записную книжку резинкой и сунула обратно в карман. Заодно отряхнула форму, вздохнула... Думала, наверно, что придется отдавать в чистку, – шерсти на ней многовато. Обычно Дайсон не сильно линял, но от нервозности подшерсток из него лез с удвоенной силой, и вот... на темной материи рыжевато-сивые волосы были прекрасно заметны, щеткой не обойдешься.

– Вроде гладкий, а шерсти – как с овцы, – снова угадала его мысли Лэсси. – Хотя... мех у тебя такой, что на снегу спать можешь, наверно? Только вряд ли захочешь, ты же городской.

Дайсон мог бы сказать ей, что всякое случалось, а на обледеневшей мостовой лежать ничуть не приятнее, чем где-нибудь в лесу в сугробе, но только стукнул хвостом по полу.

– Спать уже смысла нет, – пробормотала Лэсси, взглянув на будильник. – Вставать скоро. Лучше даже пораньше обычного... сейчас переведу... вот! Чтоб до кормежки успеть, а то вдруг лекарства надо давать на голодный желудок?

Она вдруг выключила свет, уселась рядом с Дайсоном на коврик и сказала:

– Я с тобой посижу, чтобы ты не скулил. Я заметила – ты молчишь, когда я говорю, значит, отвлекаешься. Вряд ли что понимаешь, но это без разницы, правда ведь?

Дайсон снова стукнул хвостом по полу и пристроил тяжелую башку на коленях у девушки.

– Ну вот, я так и знала, тебе хочется любви и ласки, – хихикнула она, – только подвинься, а то неудобно. Двигай, двигай задницу! Правду Кирц говорит, что ты обленился и разжирел!

Дайсон сдержанно заворчал, но Лэсси истолковала это по-своему:

– Лапу задела? Извини, я нечаянно... Ну вот. Я придумала: раз ты тоже Дайсон, как шеф, я буду на тебе отрабатывать доклад. А то я его как вижу – сердце в пятки, заикаться начинаю. Почему – не возьму в толк... То есть понятно, я ему не нравлюсь, но ведет он себя вежливо, ни разу не дал понять, что я... ну... пятое колесо в телеге. Наверно, дни считает, не дожидается, когда я сама уйду...

Лэсси обняла пса за шею и шепнула ему в ухо:

– Не дожидается! Ой...

Дайсон не удержался и дернул головой, но вроде бы нос девушке не разбил.

– Ты поаккуратнее ворочайся! – чуточку гнусаво проговорила она и пощупала его собственный нос. – Ага, уже холодный и мокрый, хорошо... Ну, раз так, значит, ты готов слушать

доклад! Значит, ты как бы шеф Дайсон, молчишь и сурово смотришь на меня... В темноте не видно, но смотришь же, правда? У вас даже взгляд похож, этак исподлобья... А я сейчас расскажу, что мне на ум пришло. Наверно, глупости, но вдруг даже в них есть какое-то рациональное зерно?

Дайсону очень хотелось гавкнуть в знак согласия, но он сдержался: люди кругом спят.

* * *

За окном задребезжал трамвай, а в такт перестуку колес – оконные стекла. Будто проснувшись, будильник внес свой вклад в эту какофонию: затрещал, запрыгал по полке... и рухнул на кровать, на которой и утих, погребенный в складках одеяла.

Лэсси попыталась натянуть подушку на голову, чтобы подремать еще минутку, но не вышло: подушка выскальзывала из пальцев и вообще была какой-то... мохнатой?

Холодный нос ткнулся ей в физиономию, горячий язык прошелся по щекам, и она окончательно проснулась.

– Говорил же Кирц, что я пойду спать на коврик, – сиплым со сна голосом выговорила Лэсси и отчаянно зевнула. – Но ты благородный пес, не занял мою кровать. Хотя, наверно, это из-за лапы – забраться не сумел... В любом случае спасибо: с тобой не замерзнешь!

Это уж точно: под боком у Дайсона даже на коврике (вернее, двух, считая хозяйский) было тепло, только очень уж жестко.

– Я бегом умываться, пока все спят, – сказала Лэсси, вскочив и схватив полотенце, – а потом пойдем в управление. Пойдем, да! Велосипед катить придется – куда тебе бегать... Добегался уже, хотя я тоже хороша...

С этими словами она выскочила за дверь, а Дайсон встал и осторожно потянулся. Задняя лапа по-прежнему ныла, но уже не так зверски, как ночью.

«Знали бы парни, как я провел эту ночь! – весело подумал он. – Раскинувшись на шикарном ложе, в обнимку с красивой шатенкой, которая нежно гладила меня по бедру и то и дело трогала за нос... И декламировала свой доклад, будь он неладен. Думай теперь, что с этим делать...»

– О, ты уже на ногах! – это вернулась Лэсси. – Отлично!

Дайсон возблагодарил всех известных и неизвестных богов за то, что душ тут один на этаж, поэтому разгуливать в чем мать родила девушка не может. Но вот под длинным халатом на ней было одно лишь нижнее белье, и Дайсон деликатно отвернулся, дожидаясь, пока Лэсси оденется в форму. Сделал вид, будто его интересует колбаса под кроватью, и явно в этом преуспел...

– А ну не лезь! – Лэсси стукнула его по спине скрученным полотенцем. С тем же успехом она могла огреть Дайсона палкой, он бы не почувствовал. – Это мой неприкосновенный запас. Тебе не дам, не смотри такими глазами – собакам копченое нельзя, это я усвоила. А попробуешь стибрить... Хм... Лучше уберу подальше, а то вдруг ты не удержишься?

С этими словами она выудила сумку, добыла с самого дна сверток с колбасой и положила на верхнюю полку рядом с будильником.

– Только она теперь на всю комнату пахнуть будет, – пробормотала Лэсси. – Тьфу ты! И белье пропахло...

Дайсон представил, как раздевает девушку, нижнее белье которой благоухает не духами или каким-нибудь лосьоном, а копченой колбасой, и невольно фыркнул. А что, это, по меньшей мере, пикантно!

– Смейся, смейся... – ворчала Лэсси, заворачивая злосчастную колбасу в несколько слоев газетной бумаги. Не помогало. Тогда она накрыла сверток многофункциональной кастрюлей, выплеснув из нее воду в окошко. – Вроде так получше. Ну что, идем?

Спускаться с крутой лестницы было сложнее, чем подниматься, лапа снова заныла, но Дайсон велел себе терпеть. Сам виноват, в конце концов.

Лэсси отстегнула цепочку от перил крыльца и вывела велосипед на улицу. Еще только начало светать, первые трамваи прятались в тумане и давали о себе знать мелодичными звонками – у каждого был свой голос, – а люди почти не встречались. Ну вот разве что прогрохотал фургон молочника и тоже исчез – туман поглощал звуки.

– Я за ним два дня охотилась, – сообщила Лэсси. – Ну, чтобы спросить, не видел ли он чего-нибудь подозрительного. Не видел, некогда ему по сторонам смотреть. А жаль!

Правильно, припомнил Дайсон, последнее убийство произошло именно в этом районе. На этот раз прикончили средних лет мужчину, и – как обычно – буквально в двух шагах от шумной улицы, в подворотне. И никто, чтоб им провалиться, даже вездесущие уличные мальчишки, даже пьянчуги, которые справляли в той подворотне нужду, судя по вони, ничего не заметил. А ведь убивали именно там, эксперты уверены – тело не перемещали. Вдобавок кого-то со здоровенным тюком заметить проще, чем солидного сьера, свернувшего в злосчастную подворотню по малой надобности, не так ли?

Заклинатели из пятого отдела долго совещались, но в итоге повторили то же, что и в прошлые разы: работал не маг. Даже если бы он был настолько могуществен, что оказался не по зубам простым полицейским, все следы он бы скрыть не смог: тело обнаружили достаточно быстро, и остаточные проявления волшбы должны были сохраниться. Дайсон попытался вникнуть в эту премудрость, а в итоге перевел для себя мудреные слова так: если кого-то укололи в дождь, то вода скоро смоем все посторонние запахи. Но если труп обнаружили быстро, хорошая ищейка сумеет взять след даже под дождем. Так вот, собаки из двойки не смогли – это город, если что и оставалось, уже затоптали. Но и парни из пятерки, которым чужие запахи не мешали, не сумели этого сделать, а в их профессионализме Дайсон не сомневался – не один год работали бок о бок.

Один из них предположил, что преступник, раз он сам не маг, может пользоваться заряженными артефактами, «в просторечии именуемыми амулетами», выражаясь протокольным языком, и тогда дело дрянь. Обнаружить такую штуковину, особенно если ее зачаровывал сильный заклинатель, можно только в момент действия, поскольку следов она, в отличие от самого мага, не оставляет. Еще можно засечь ее, оказавшись нос к носу с владельцем, но это по силам только опытному заклинателю, да еще при условии – он точно будет знать, что именно ищет. Иначе, опять же перевел для себя Дайсон, запутается в мириадах запахов, витающих в большом городе: тут чуть не у каждого второго имеется амулет, у кого получше, у кого поплше. У молочника этого наверняка есть – например, против скисания молока в дороге, если вдруг фургон сломается и он застрянет надолго.

Ну а опрашивать всех заклинателей в столице... На это жизни не хватит, учитывая, сколько тут действует нелегалов! Вдобавок амулет могли купить совершенно в другом месте или он вовсе достался преступнику от прабабушки!

В целом, конечно, круг поисков сузили: это должен быть, во-первых, очень сильный амулет, хотя, вероятно, краткого действия. Достаточного, впрочем, для того, чтобы преступник успел разделаться с жертвой и скрыться незамеченным. Во-вторых, он обеспечивает владельцу эту самую незаметность на самом высшем уровне: если мерзавец примется потрошить жертву на живую, обычный человек пройдет мимо, не услышав воплей и не заметив текущей по мостовой крови, даже если в нее наступит. В-третьих, амулет маскирует следы владельца, а сложно не уделаться в крови, отрубая кому-то голову или вскрывая живот! Вдобавок добычу преступник уносит с собой, и даже если заворачивает ее в десять слоев мешковины, все равно кровь может просочиться. Значит, действие амулета распространяется и на то, что владелец держит при себе.

В целом, сказал шеф «пятерки» после долгих раздумий и консультаций, это очень напоминает действие тех амулетов, которыми снабжали шпионов и разведчиков. Бывает, требуется выкрасть что-то ценное или даже кого-то, а то и прикончить одиозную личность, не оставив ни малейшей зацепки, не говоря уж о следах. А учитывая, сколько таких амулетов пропало без вести вместе с владельцами во время последней войны, попало в руки мародеров, было утеряно при самых разных обстоятельствах – иногда утеряно в кавычках, ведь агенты могли и присвоить ценную вещь, заявив, что бросили ее, опасаясь быть раскрытыми... И еще нужно присчитать действующих агентов, которых продолжают оснащать такими же или даже более мощными амулетами... Одним словом, это даже не иголку в стоге сена искать, хуже, намного хуже! Особенно учитывая тот факт, что военные и спецслужбы не слишком-то охотно делятся информацией. Мол, ваш маньяк, вы его и ловите...

– Дайсон, не отставай! – окликнула Лэсси, и он оторвался от очередного фонарного столба – старательно имитировал собачье поведение и изучал метки.

Ладно, хоть лапу задрать можно... Со всем остальным он собирался потерпеть до питомника, потому что на глазах у девушки проделать такое не мог, а никакого палисадника или хоть захудалого куста поблизости не было – почти центр, откуда тут растительность? И дело было вовсе не в тонкой душевной организации Дайсона: просто он понимал, если правда вскроется, то ему припомнят всё и макнут в то самое, что стажеру Кор пришлось бы убирать за шефом с тротуара...

«Не забывай регулярно вылизывать самое ценное, – сказал ему Сэл, трясаясь от рвущегося наружу смеха, – кобель ты или нет?»

«Дождешься ты у меня», – подумал Дайсон и потрусил следом за Лэсси.

К питомнику они явились задолго до начала рабочего дня. То есть в управлении он еще не начался, а здесь, судя по грохоту мисок и ругани, готовились к утренней кормежке.

– Назад по гарантии не принимаем, – сказал лейтенант Кирц, увидев Дайсона, оценил выражение лица Лэсси и пояснил: – Шутка. Что стряслось?

Девушка, сбиваясь, принялась пересказывать ночные события, но Кирц тут же ее остановил:

– Все ясно. Сейчас позову дока Лабби, пускай осмотрит.

Док Лабби, со сна похожий на встрепанную сову, при виде Дайсона только тяжело вздохнул и принялся было засучивать рукава, но, узнав, что вынимать из пса пули на этот раз не требуется, заметно оживился. Долго щупал, сгибал и разгибал больную лапу, а в итоге вынес вердикт:

– Ничего страшного. Перетрудило немного, отсюда болевой синдром. Вы, стажер, уколы делать умеете?

– Н-нет... То есть я проходила курс оказания первой помощи, но людям. И на муляжах.

– Ничего, если Дайсону в задницу воткнуть иголку, он этого и не заметит, раз уж пяток пуль ему нипочем, – хмыкнул Лабби. – Зайдите вечером, я вам выдам кое-какие препараты и подробно напишу, что и сколько нужно колоть, если подобное повторится. А как именно колоть... Ничего сложного, проще даже, чем с человеком.

Тут он бесцеремонно схватил Дайсона за толстые складки шкуры на загривке и ткнул пальцем:

– Или сюда, под кожу... Или вот сюда, в мышцу.

На этот раз тычок пришелся в бедро.

Дайсон стерпел, но пообещал себе припомнить это Лабби. С другой стороны, док был одним из тех немногих, кто знал о второй сущности шефа семерки, он выковыривал из него пули, лечил переломы... И именно его рекомендации Дайсон ни в какую не желал исполнять. Ну вот, пришлось...

Суть пари была доку известна – парни постарались, – но ставку он делать отказался. Заявил, что Дайсон слишком непредсказуем, а денег жалко, Лабби семью кормить нужно, в отличие от некоторых.

– А... а не найдется у вас намордника? – упавшим голосом спросила Лэсси. – Ну, то есть... так-то Дайсон слушается, но вдруг ему не понравится, что я в него иголкой тычу? Вряд ли у меня с первого раза получится как надо, а...

– Да не почувствует он, повторяю, – вздохнул док. – Ну, может, дернется. Сломает иглу. Мне придется ее вынимать. Но он не станет дергаться, верно, Дайсон?

Пес ответил ему мрачным взглядом и коротко гавкнул.

– А остальные мои рекомендации остаются прежними, – добавил Лабби. – Поменьше есть и побольше двигаться. К слову, о движении... без фанатизма! Никаких погонь, тем более по пересеченной местности, прыжков со второго этажа и тому подобного, ясно? Ровный бег в умеренном темпе, не более того.

– Я постараюсь ездить не очень быстро, – пообещала Лэсси. – Но если Дайсон вдруг за кем-то рванет и не станет слушать команды, я его не удержу.

– Не рванет. – Лабби с подвыванием зевнул. – Кирц, кстати, урежьте ему пайку на четверть. Вон брюхо какое отрастил.

– Как скажете, док.

– А вы, стажер, не вздумайте подкармливать Дайсона. А то знаю я, как он за девушками ухаживает: посмотрит в глаза трагическим взглядом, и они ему не то что сардельку, а целую отбивную пожертвуют!

– Я не дала ему колбасы, хотя он очень просил, – храбро ответила Лэсси. – Весь пол слюнями закапал.

– Вот и впредь не давайте. Даже вот полстолечко, полакомиться. Ему вредно, он и так поперек себя шире.

«Я вам всем припомню», – подумал Дайсон и потрусил за Кирцем – завтракать.

– Ой, я пока тоже в столовую сбегая, она вроде уже открылась, – спохватилась Лэсси. – Потом приду заберу его, хорошо?

– Сам придет, – невозмутимо ответил док. – Будто он не знает, где ваш отдел. Идите, а то сейчас потянутся такие же... незавтракавшие.

Что правда, то правда: многие, в особенности такие же стажеры, как Лэсси, или просто молодые одинокие сотрудники, предпочитали питаться на службе.

Лэсси предпочла бы готовить сама, но увы – держать в комнате даже кипятильник строго воспрещалось, а на свою кухню съе Ланн никого не допускала, готовила лично, кормила жильцов тоже лично. Жить целыми днями всухомятку невозможно, а до ужина еще дотерпеть нужно... В выходные, конечно, родители устраивали маленький пир, но впрок-то не наешься.

Если бы Лэсси жила дома, было бы проще, но увы: от ее съемной комнатки до управления рукой подать, а от родительского дома – за два часа на велосипеде не доедешь, другой конец города! Тут уж пришлось выбирать – еда или сон... Лэсси выбрала сон и не прогадала: кормили в столовой пускай не слишком изысканно и разнообразно, но достаточно питательно и недорого. И не было риска отравиться, купив пирожок у уличной торговли. Сегодня вот в столовой давали тушеную капусту с тефтелями, и она взяла две порции – неизвестно, когда удастся пообедать и удастся ли...

Глава 4

Когда Лэсси вихрем ворвалась в кабинет, Дайсон (то есть Ухожор в рабочее время) уже был там. Сидел возле стола шефа и гипнотизировал мрачным взглядом собравшихся на утренний инструктаж сотрудников.

К счастью, она не опоздала, успела даже отдышаться, прежде чем вошел Сэл и со словами «Привет, Ухожор» поздоровался с псом за лапу. Судя по всему, такое представление тут было не в новинку, потому что никто не отреагировал.

– Так. – Сэл присел на край стола (тот жалобно скрипнул) и почесал в затылке. – Я не шеф Дайсон, красиво говорить не умею, поэтому коротко: все занимаются своими делами. Стажер Кор, вы останетесь в управлении.

– Почему?! – вырвалось у Лэсси.

– Приказ. Знакомо вам такое слово? У нас документы не разобраны, вот и займетесь.

– Но я... Но я должна опросить еще два квартала!

– Кор. – Он тяжело вздохнул. – Если вы не понимаете иначе, я скажу прямо: у меня приказ начальства никуда вас не выпускать. Ну, кроме как домой, но до дома вас Ухожор проводит. И задерживаться тоже не вздумайте, это приказ.

– Почему?... – Лэсси понимала, что у нее дрожат губы, но ничего не могла с собой поделать. – Что я не так сделала?

Дайсон подошел к ней и бухнул голову на колени, мол, гладь. Но нет, она не отвлеклась, хотя по ушам потрепала.

– Все так, – встрял Килли, подумал, взъерошил короткие светлые волосы и сказал: – Просто начальство решило, что нам не нужен еще один труп полицейской.

Остальные не удивились – видимо, уже знали. Только Лэсси, как обычно, ничего не сказали.

– Этой ночью убили регулировщицу движения, – пояснил Сэл. – Муж знал, что она возвращается поздно, поэтому не слишком волновался. Но все-таки немного подождал, а потом забил тревогу, сообщил ей на службу, ну а дальше...

– Угу, нашли в третьем часу пополуночи. Всё то же самое. – Килли тяжело вздохнул. – В смысле, нет кистей рук и ног по колено, головы, а еще снята часть кожи с грудной клетки заодно с... – Тут он взглянул на Лэсси и вспомнил термин: – С молочными железами. И никаких следов.

– Буквально в двух шагах отсюда, – мрачно добавил Сэл.

У Дайсона шерсть на загривке встала дыбом: преступник что, совсем свихнулся, раз не понимает, что смерть полицейской, даже простой регулировщицы на перекрестке, ему с рук не сойдет?

– Сьер Горти! – словно услышала его мысли Лэсси. – А погибшая возвращалась домой в форме?

Сэл полистал бумаги и нахмурился.

– Нет. Она переоделась... впрочем, там только фуражку и жилет снять нужно, а так-то костюм вполне сойдет за гражданский. Хотите сказать, преступник не знал, кто она?

– Просто предполагаю, сьер.

– Она подходит под описание других жертв, – сказал Килли. – Женщина под пятьдесят, рыжеватая шатенка, с... э-э-э... крупными формами.

– Кроме шатенок с формами, среди жертв есть и юноши, и девушки, и взрослые люди. Общего только одно – они заметно моложе этой убитой. Хотя мы все равно не можем подсчитать точное количество эпизодов: поди пойми, кто именно искромсал какого-нибудь бродягу... Особенно если его выудили из реки неделю спустя после убийства, – мрачно ответил Сэл. –

Может, собутыльники полоснули ножом, а внутренности рыбы выели. Ладно! Гадать можно до бесконечности, но это не наш метод. Марш по своим заданиям, вечером отчитаетесь! А вы, сье Кор, задержитесь.

Лэсси осталась сидеть, пока остальные покидали кабинет. Уши опять пылали: ну зачем было говорить, что ей не доверяют? Что не могут отпустить одну, должны следить, как за маленькой девочкой? Она половину пригородов уже исколесила, но ничего особенно страшного не видела, а с Дайсоном тем более не испугается!

– Не понимаю, почему я должна оставаться в управлении, – сказала она, оставшись с Сэлом и Килли наедине. Не считая Дайсона, конечно. – Вы сами говорили, преступник предпочитает средних лет женщин со светло-каштановыми или рыжими волосами и выдающимися формами. Я никак не подхожу под это описание.

Насчет форм Дайсон мог бы поспорить. Хотя, конечно, что считать выдающимся...

– Сье Кор... Лэсси, вы позволите так вас называть? – Сэл взял стул и сел на него верхом. – Это не наша идея. Начальство решило, что если наш неуловимый взялся за полицейских, то у него совсем резьбу сорвало. От регулировщицы до стажера оперативного отдела один шаг, тем более вы одна такая и ваше имя на слуху. И если с вами что-то случится – с первой и единственной девушкой в наших рядах! – начальнику голову снимут. И не его собственные начальники, а кое-кто повыше, те, кто продвигает... как это...

– Женщин в массы, – подсказал Килли и захохотал.

– Молчи лучше, болван!

Лэсси помолчала, потом сказала:

– Но я же не могу безвылазно сидеть в управлении. То есть могу, но я ведь возвращаюсь на квартиру, а по выходным езжу домой. И если неуловимому преступнику вздумается меня убить, чтобы насолить нашему начальству, то что помешает сделать это по дороге?

Дайсон не выдержал и сдержанно гавкнул.

– Ну, кроме собаки, – поправила девушка. – Но к родителям я его не возьму, они не поймут!

– Ну вот видите, какой шанс расправиться с вами, – без тени улыбки сказал Сэл. – Кроме шуток, Лэсси, умерьте пыл. Повторяю: если этот тип перешел на полицейских, лучше не рисковать. Не из-за гнева тех, сверху...

– Просто вы милая девушка, и нам не хотелось бы обнаружить вас в таком же виде, как эту несчастную регулировщицу, – с хорошим чувством момента вставил Килли. – И Дайсон не спасет, не смотрите на него. Собаку амулет вырубит моментально, у них восприимчивость намного выше человеческой.

– А другого напарника по-прежнему нет...

– Увы, все и так заняты сверх возможного. Тем более напарник не станет провожать вас до дома. Ну разве только по доброте сердечной или какой иной... хм... склонности.

– Хорошо. – Лэсси опустила голову, и крупная слеза упала на форменные брюки, которые она носила, не замечая чужих взглядов, порой неодобрительных. Сами бы на велосипеде в юбке покатались! – Как прикажете. Я думала, что стану помогать людям, и, видит Создатель, я пыталась. Но раз я просто картонная фигурка для этих... продвигающих в массы, то мне действительно лучше сидеть здесь и перекладывать бумажки...

Сэл с Килли переглянулись в ужасе – что делать с плачущими девушками, тем более подчиненными, они не знали. Зато Дайсон знал (и оценил, кстати, красоту игры) – подошел и утер Лэсси слезы языком. До чего же соленые!

– О нем вы тоже не подумали, – шмыгнула носом девушка, обняв его за шею. – Док Лабби сказал, ему нужно бегать, и что делать?

– Можете кататься на своем велосипеде вокруг управления, а Ухожор пускай бежит следом, – ляпнул Килли.

– Да, посчитаем как рабочее время, – с неменьшим тактом добавил Сэл, наклонился и интимно шепнул: – К слову, как вы провели первую ночь вдвоем?

Дайсон обернулся и выразительно лязгнул зубами над самым его ухом. Впрочем, зря, потому что Лэсси сказала, всхлипнув:

– Мы спали вместе.

Мужчины переглянулись в полном восторге, но она продолжила:

– У него лапа болела, пришлось до утра с ним сидеть. Я так и уснула – ничего, удобно, тепло. Только он ужасно храпит, а еще у него в животе бурчит... со всеми вытекающими последствиями. Нужно будет на ночь оставлять форточку открытой.

Сэл прикрылся папкой и тихо всхлипнул от избытка чувств, Килли же оказался более стойким и только коротко хохотнул.

«Сами бы попробовали эту питательную дрянь, которую Кирц готовит!» – обозлился Дайсон.

– Инструктаж окончен, сэр? – спросила Лэсси. – Мы можем быть свободны?

– Погодите, куда это вы собрались? А бумаги разбирать?

– Бумаги никуда не уйдут, а вот нам как раз нужно пробежаться, – ответила она и встала. – Если уж мне всучили этого пса, я должна соблюдать рекомендации дока Лабби, разве не так? И разве не вы, сэр, так печалились об участии Ухожора? Ну и, поскольку вы сами сказали, что я могу кататься вокруг управления, именно так я и поступлю. Пойдем, Ухожор!

– Погодите! Погодите, Лэсси! – опомнился Сэл. – Вас же засмеют!

– Неужели? – Она прищурилась. – Пускай попробуют. Моя квартирная хозяйка, которую, к слову, вы страшно напугали, сказала, что у этого пса паскудный нрав. И чувство юмора наверняка такое же... Впрочем, я уже наблюдала его шуточки с лейтенантом Кирцем. Поэтому сомневаюсь, что кто-нибудь рискнет смеяться в открытую, а за спиной... Можно подумать, до сих пор не смеялись!

С этими словами Лэсси вздернула нос и вышла из кабинета. Дайсон последовал за ней, а на пороге обернулся и ухмыльнулся во всю пасть: выражение лиц подчиненных было невыразимо прекрасно.

– Я думаю, дня два мы выдержим, – негромко говорила Лэсси, обращаясь к нему, и Дайсон обратился в слух. – Да, конечно, смеяться будут, но ты почаще показывай зубы – перестанут. А потом, думаю, начальство запретит нам пробежки вокруг управления и либо отправит куда-нибудь с глаз долой, либо снимет запрет. Ну а ты за это время разомнешься как следует. Как тебе план?

– Уф! – только и смог ответить Дайсон и в который раз проклял все на свете.

Уж лучше бы поехал на воды и там истово занимался лечебной гимнастикой под призором врачей, чем вот так позориться! Впрочем... Он знал выход. В прямом смысле слова...

– Дайсон определенно что-то затеял, – сказал Сэл, наблюдая в окно за неутомимой стажеркой. Пес бежал за ней тяжелой трусцой, вывалив язык. – Я его подлую натуру знаю.

– Ну, с ним девчонке действительно безопаснее, чем в одиночку.

– Так-то оно так, но что мы начальству скажем, если эти двое удерут в самоволку?

– Ничего не скажем. Пусть Дайсона отчитывает, он же начальник, он принял решение и дал отмашку.

– Он в отпуске по ранению, – напомнил Сэл. – Значит, по башке прилетит мне.

– Да брось, начальник тоже ставку сделал, так что сильно не огребешь!

– Правда? И сколько поставил?

Килли озвучил сумму, и Сэл невольно присвистнул, потом уточнил:

– Это на то, что Дайсон сорвется?

– На то, что выдержит.

– Ну... он всегда отличался некоторой наивностью, – задумчиво произнес Сэл. – И не скажешь даже, что начальник.

– Наивностью? Не смейся! Он отлично знает, до чего Дайсон упрямый и жадный, так что... я бы не спешил делать выводы.

– Ну, может, ты и прав. Поживем – увидим.

* * *

– Однако и загоняла же ты его, – сказал Кирц, когда Лэсси привела Дайсона после полудня.

Пес одним махом вылебал миску воды, рухнул в тени и не подавал признаков жизни. Разве что ухом шевелил.

– Ничего подобного, я соблюдала предписанный режим, – ответила девушка. – Но на сегодня с него, наверно, уже хватит – вечером же еще до дома идти. Пусть отдохнет, а я пообедаю пока. А потом приду и... и надо будет его вычесать и помыть, а то хозяйка ругается, что псиной пахнет и шерсть повсюду.

– Угу, это только кажется, что у него шкура гладкая, – хмыкнул лейтенант. – Обедай, а я поищу пока, во что тебе переодеться, иначе всю форму уделаешь.

– У меня тренировочная с собой, ее все равно стирать нужно.

– Тогда совсем просто. Иди, а то все расхватают.

Проводив Лэсси взглядом, Дайсон уронил голову на прохладную землю и в который раз подумал: что ж его дернуло участвовать в этом дурацком пари? Еще сутки не прошли, а ему уже очень хочется сдаться... Но нет, нет, он не может себе этого позволить! И не только потому, что денег жаль, – это наживное, он на каком-нибудь другом споре сможет отыгаться. И не потому, что Сэл с Килли станут гнусно хихикать, а док Лабби – со вздохом качать головой, потому что Дайсон не может себя контролировать: будто они раньше этого не знали! Начальство – особенно продувшее пари начальство – намного хуже, но пережить можно.

Дело в другом.

Эта желторотая, кажется, взяла след. Едва заметный, тень следа, если уж быть честным с самим собой, но это лучше, чем ничего.

Дайсон внимательно слушал ее ночной «доклад» – это помогало отвлечься от боли в лапе – и удивился, какое множество мелочей подмечает стажерка. И сколько ей рассказывают, но это и не удивительно: симпатичную и наивную с виду девушку не боятся и доверяют ей больше, чем мрачным громилам. Ну а способности Лэсси заговаривать зубы кто угодно позавидует...

И ведь многое из этого она изложила в рапорте, но Дайсону тогда было недосуг вникать, только и подумал про «не по форме», а потом совсем из головы вылетело – разрывался между службой и госпиталем. Хотя это оправдание так себе, сам ведь виноват!

«Ничего, наверстаем, – подумал он. – Заодно проверю, на что еще она способна. А за те шишки, что свалятся на Сэла за наше самоуправство, я проставлюсь. Переживет...»

Он стоически перенес вычесывание – этого подшерстка на носки хватило бы, впечатленно сказала Лэсси, – а потом мытье. Хорошо, Кирц помогал – в одиночку, да неумеючи, девушка возилась бы до самого вечера, а ведь шерсть еще нужно было просушить. Дайсон подавил желание брякнуться в пыль и как следует в ней поваляться – в таком случае Кирц повторно прополоскал бы его из шланга.

– Тяжелая у вас служба... – выдохнула Лэсси.

Волосы у нее слиплись сосульками, лицо покраснелось сильнее, чем после велокросса вокруг управления, тренировочная форма была мокрой насквозь и облепила аппетитные выпуклости – Дайсон старался не пялиться слишком уж откровенно, но выходило плохо. Сэл был прав...

– Привык, – невозмутимо ответил Кирц и закурил. – Ты держи, держи этого мерзавца, а то он так и норовит сесть куда погрязнее!

– Стоять! – велела девушка, и Дайсон со вздохом послушался. Правда, сунул мокрую голову ей на колени, тоже мокрые. Пускай гладит, раз все равно сидит без дела. – Кажется, мы унизили его достоинство. Глядите, как шерсть на загривке слиплась – вылитый ежик!

– Ничего, сейчас просохнет, волнами пойдет.

Что верно, то верно: хорошо отмытый и вычесанный, Дайсон блестел на солнце, черную шкуру так и тянуло погладить, рыжие подпалины будто сделались ярче.

– И давайте еще подстрижем ему когти! – спохватилась Лэсси. – А то хозяйка очень переживает за свои полы. Странно, я думала, у собак, которые много бегают, когти стачиваются, а у Ухожора вон какие, так и клацает...

– А кто сказал, что он много бегал в последнее время? – хмыкнул лейтенант и пошел за когтерезами, чтобы подвергнуть Дайсона очередному унижению.

– Можно я попробую?

– У вас сил не хватит, – ответил Кирц, протянув Дайсону руку. Тот покорно положил на его ладонь свою лапицу. – У меня-то... не всегда... с первого раза...

Клац! Коготь – действительно слишком длинный – отскочил, чуть не угодив Лэсси в лицо. Дайсон передернулся, как всегда от этого противного звука.

«Ты, главное, бди! – наставлял его Сэл. – А то ухом дернуть не успеешь, как тебе отчищают самое дорогое. Чтоб не сильно баловал, значит».

Дайсон его тогда чуть не укусил, хотя пребывал еще в человеческом облике. Хотя какая разница – то задержание, за которое его прозвали Ухожором, он тоже проводил, будучи человеком. Потому кличка и прилипла: не всякий день оперативник оказывающему сопротивление бандиту ухо откусывает. А что оставалось делать? Парень попался очень сильный даже для здоровяка Дайсона, а еще верткий, как угорь: поди удержи! Вот он и решил немного припугнуть этого шустрого – из ушей крови льется много, даже если слегка поцарапать, некоторые пугаются... Но не рассчитал. Или бандюга дернулся не вовремя, теперь уже без разницы. А ухо ему действительно пришили на место, хотя и не слишком аккуратно. Да и выглядело оно слегка... гм... пожеванным: отличная особая примета, кстати говоря!

– Джел, скажите, а почему Ухожора не кастрировали, раз он... гм... породу портит? – внезапно спросила Лэсси. – Я читала, от этого кобели становятся спокойнее.

От неожиданности Кирц дернулся и едва не отхватил Дайсону палец вместе с когтем, но все же совладал с собой и ответил:

– Да, это верно. Только и рабочие качества страдают. Если Ухожору... м-м-м... усечь лишнее, он окончательно обленится и превратится в диван. Да, именно, не зыркай на меня: для пуфика ты великоват.

– Точно, а для дивана – в самый раз! – развеселилась Лэсси. – Я, еще когда впервые его увидела, подумала – на его спине ночевать можно. Ну, на спине не на спине, а рядом – вполне уютно. А уж теперь, когда он чистый... Но нет, я больше с тобой на коврик не лягу, Ухожор, и не смотри на меня так! Сделаю тебе укол, как док Лабби велел, и будешь спокойно спать до утра.

– Надо же, какие он тебе вольности позволяет... – пропыхтел Кирц, сражаясь с Дайсоновой задней лапой. – Тьфу ты, опять инструмент на выброс! Когти стальные просто...

– Ничего, – с завидным оптимизмом сказала девушка. – Будет со мной бегать – станут стачиваться. А то и правда сплошные расходы.

«Спелись», – подумал Дайсон и встряхнулся. Нужно не о ерунде думать, а о том, как показать стажерке выход из сложившейся ситуации.

Это, к слову, оказалось проще простого: Лэсси ведь водила пса на поводке и, когда он потянул ее в кусты, удержать не смогла.

– Дайсон, ты что вытворяешь? Стоять! Стоять, я тебе говорю!

Он только фыркнул и потащил ее глубже в заросли. Особенно не торопился – наткнется еще на ветку, форму порвет или поцарапается...

– Что ты там такое унюхал? – ворчала Лэсси, продираясь сквозь кусты. – Труп, что ли? Вот начнется суматоха: как же, покойник на территории управления! Но если ты возьмешь след и поймаешь преступника, тебе премию выпишут, как думаешь?

Дайсон думал совершенно о другом, если честно.

– Если ты волочешь меня за дохлой кошкой, я... я не знаю, что с тобой сделаю!

– Гав! – сдержанно ответил Дайсон, притормозив возле дыры в заборе. Она заросла шиповником, но ему, с такой-то шкурой, колючки были нипочем.

– Ты что... – Лэсси осеклась, когда он выбрался в дыру, изрядно поломав кусты и проторив путь, встала на четвереньки, высунулась наружу и осмотрелась. – Ах ты хитрец! Или тебя хозяин научил?

Дайсон едва удержался, чтобы не пожать плечами, – это выглядело бы странно. Зато победно ухмыльнулся: мимика у него была богатая.

– Так, это мы в торце левого крыла управления... Кусты, деревья... Надо еще из окон посмотреть, что видно сверху и видно ли вообще, и с какого этажа, – бормотала Лэсси. – Если я оставлю велосипед снаружи, а потом мы с тобой пойдем как бы в питомник, а сами выберемся через эту дырку, то никто ничего не заподозрит! Главное, вернуться к вечерней кормежке... Умница, Дайсон!

С этими словами она схватила его за ошейник и смачно поцеловала в морду.

«Тьфу, – плюнул он про себя. – Вот без этого можно было и обойтись!»

Увы, возразить он не мог, а активно сопротивляться не рисковал – так вот мотнет головой и вышибет стажерке зубы. Очень даже запросто – Сэлу однажды выбил один по дурацкой случайности: тот наклонился, а Дайсон как раз решил встать, ну и двинул Сэла башкой под подбородок. Пришлось оплачивать лечение и вставной зуб. Сэл намекал на золотой, но Дайсон рыкнул, что стальным обойдется! Тем более не на виду...

– Все, выбираемся. – Лэсси дала задний ход, выпрямилась, отряхнула форму, с досадой посмотрела на изодранные о шиповник руки. – Подозрительно выглядит, как думаешь?

Дайсон вздохнул.

– Ладно, скажу правду – ты полез в кусты нюхать какую-то гадость, зацепился поводком, а пока я его отпутала, вся исцарапалась. Главное, не говорить, какие именно это были кусты и где, правильно? А то мало ли кто еще знает об этой дыре в ограде...

Он мог бы сказать, что никто не знает: сам проделал тайный ход, сам замаскировал, а с тех пор лаз успел как следует зарости. Судя по запаху, никто чужой, не считая каких-то приبلудных кошек, там не шляется. Увы, пришлось ограничиться выразительным взглядом.

– Ты сейчас посмотрел совсем как шеф, – сказала ему Лэсси. – Я даже вздрогнула. Пойдем, уже пора домой. Задерживаться не будем: сказано же придерживаться графика и не бродить потемну, а приказ нужно выполнять!

Глава 5

Эта ночь прошла спокойно: шрамы по-прежнему ныли, но уже не так сильно, и Дайсон спал бы без задних лап, если бы Лэсси не вертелась с боку на бок на скрипучей кровати. Что с девушкой не так, он не знал: судя по запаху, она не заболела, а узнать ее мысли Дайсон никак не мог. Хотя догадывался, конечно: ей не дают покоя эти загадочные убийства. И наверняка Лэсси хочется взять и найти преступника и утереть нос опытным полицейским... С одной стороны, с ее неумной жадой деятельности и внимательностью к деталям девушка действительно может напасть на какой-то след. С другой... как бы сама не пострадала, если в самом деле выйдет на преступника и решит задержать его в одиночку, чтобы с триумфом приволочь в управление!

«А ты на что? – вздохнул Дайсон и устроился поудобнее. – Присмотришь, чтобы девочку никто не обидел. Может, она ничего и не найдет: опыта-то нет, а на одном везении далеко не уедешь. Но вдруг наведет на какую-нибудь дельную мысль? У нее мозги как-то по-другому устроены, чем у нас, мужиков. Вдобавок мы-то действуем привычно, а для нее все это в первый раз. А значит, взгляд свежий, незашоренный. Хотя ошибаться она будет постоянно, по неопытности-то... Но это дело наживное, научится. Словом, поживем – увидим...»

Многие удивились бы, узнав, что Ротт «Ухажор» Дайсон, вопреки сложившемуся мнению, ничего не имеет против службы женщин в полиции вообще и в оперативном отделе в частности. Во-первых, потому, что у них действительно голова работает по-другому, а значит, всегда можно услышать какую-нибудь неожиданную версию, которая среднестатистическому мужчине и на ум-то никогда не придет.

Во-вторых, женщинам проще войти в доверие к тем же свидетелям: Лэсси на самом деле рассказали намного больше, чем Килли и его подручным, и пускай многое из этого было обычной шелухой, но факт говорил сам за себя.

В-третьих, если женщины могут работать на фабриках и фермах, водить машины, трамваи и даже тракторы, и частенько не хуже, а то и лучше мужчин, почему служба в полиции и армии – что-то особенное? В войну всех брали, не глядя, какого человек пола, и Дайсон точно знал, что многие женщины отлично обращаются с ружьями. Причем знал из первых уст: его мать пять лет отслужила в бригаде горных стрелков. Правда, три года ухитрилась маскироваться под собственного брата – в юности была высокой и худой, легко сходила за юношу, особенно в форме, но потом фигура вдруг оформилась, и обман вскрылся. Случился скандал, но между возможным позором, который падет на славное имя бригады, и отличным стрелком командир выбрал стрелка. И ничего, небо на землю не рухнуло. Наоборот, после нашумевшей публикации во фронтовой газете на редакцию обрушился шквал писем, часто анонимных. Писали женщины – кто просто выказывал поддержку Эрни Гардис, а кто делился собственными историями. Оказалось, не так уж мало девиц ушло на фронт, переодевшись мужчинами – иначе не выходило. Одно дело медсестры, связистки или даже водители – туда под конец войны брали всех, кто не путал педали и у кого хватало сил крутить баранку, – и совсем другое артиллерия или даже пехота...

С той войны у Эрни Гардис остался на память шрам на плече после поединка со вражеским снайпером, дюжина орденов и медалей, изрядная пенсия, мировая известность, которую она нещадно эксплуатировала и по сей день, а еще – сын.

Кем был отец Ротта, Эрни никогда не говорила. Даже классического «погиб» или «пропал без вести» он от нее не слышал. Добился однажды таких слов: «Он согревал меня несколько ночей – я угодила в буран и заблудилась. Если бы не он, я бы погибла», – и только. Наверно, имя Эрни знала, иначе почему дала сыну такую фамилию? Но что толку от этого имени?

Впрочем, Дайсон был крайне далек от идеи разыскать неизвестного отца. Зачем? Тот почти наверняка не знает о нем, это раз. Два – далеко не факт, что он еще жив. Три... когда

Дайсон узнал о второй своей сущности, все стало на свои места. Кто мог спасти девушку в горах, в буран? Только местный житель или обученная собака. Или, скажем так, два в одном. Вероятно, дотащить Эрни до жилья со всем ее снаряжением, которое она наверняка отказалась бросить – сейчас, жди, до сих пор на свое ружье надышаться не может! – спаситель не сумел. Наверно, нашел укрытие или даже вырыл яму в сугробе, там и грелись вдвоем. А потом... Можно до бесконечности гадать, как так вышло, но смысл? Случилось и случилось. И явно по доброй воле, иначе что мешало Эрни избавиться от ребенка, едва только она о нем узнала? Но нет, снова скрывала свое положение, сколько могла: это было не так уж сложно, живот почти не вырос – двуликие даже в утробе матери умеют приспосабливаться к обстоятельствам, а потому родился Дайсон щенком, пускай и крупным. И даже когда все обнаружилось, Эрни не сумели отправить в тыл, даже силой, даже с ребенком. Победу Дайсон встретил ровно на свой полугодовалый юбилей и, говорят, ухитрился переорать залпы праздничного салюта...

Замуж Эрни так и не вышла, хотя мужчин в ее жизни хватало. Иногда Дайсону казалось, что она нарочно выбирает тех, кто способен чему-то обучить ее отпрыска. Не стрельбе, конечно, – этим она занималась сама, – но тому, что непременно пригодится в жизни. Иногда это были довольно странные типы, но Дайсон не удивлялся.

«Запомни, щенок, – часто говорила Эрни, не отрываясь от пишущей машинки, на которой отстукивала очередную главу книги или статью для журнала, – никогда не суди о людях по первому впечатлению. Кто я теперь? Известная писательница и журналистка, верно? Член всевозможных клубов, организаций и ассоциаций? Кругом восторженная публика, гонорары приятно удивляют... А копни поглубже – найдешь все того же горного стрелка. Только теперь я выпцеливаю не врага, а наиболее выгодное предложение, глаз-то у меня по-прежнему верный. Шелуху можно ободрать, а сердцевина останется. Ясно тебе?»

И Дайсон звонко тьякал в ответ, потому что любил лежать под столом у матери в собачьем облике, когда она работала. Эрни часто проговаривала вслух то, о чем писала, а он слушал и мотал на ус.

Конечно, Дайсон состоял на учете в соответствующих органах, но там тайну личности соблюдали строго, а Эрни очень рано объяснила ему, почему не стоит раскрывать свою вторую сущность посторонним. «Это огромное преимущество, – говорила она. – Если бы я была такой, как ты, мы не застряли бы на перевале на целый месяц: достаточно было взять ружье в зубы, навьючить на спину сумку с боеприпасами и сбежать к вражескому лагерю разок-другой. Человек там не пройдет, особенно ночью, а собака потемну как раз и прокрадется... Ясно, щенок?»

Эрни часто его так называла – не в обиду, просто... он же действительно был таким. Дайсон настолько к этому привык, что в армии неизменно поражал старшину, ругавшего новобранцев щенками, – для него это не было оскорблением. Немного погодя, конечно, Эрни стала называть его кобелем, и небезосновательно. К тому времени он уже не жил дома: решил, что достаточно взрослый, хватит сидеть возле материнской ноги и тратить ее деньги. В армии отслужил, значит, может пойти служить в полицию, а учиться дальше смысла не видит: ну какой из него стряпчий или банковский клерк? К тому же у самой Эрни того образования – несколько классов сельской школы, однако это не мешает ей вращаться в обществе. Дайсона, впрочем, в это общество на поводке было не затащить, и он заявил, что нашел свое призвание.

«Убьют – домой не приходи», – только и сказала мать. И довольно улыбнулась, как ему показалось.

Ну, он не подвел: карьеру делал не то чтобы стремительную, но вполне убедительную. Тем более выше начальника отдела лезть даже не собирался – и так бумажная волокита замутила, дальше ее станет еще больше, а настоящего дела и не понюхаешь...

К его размышлениям можно было бы добавить и «в-четвертых», и «в-пятых», и так далее, но смысл? Главное, женщин Ротт Дайсон любил и уважал (хотя некоторых решительно не понимал), а потому надеялся, что стажерка приживется. И не потому, что она ему понравилась...

То есть понравилась, как любая девушка с отличной фигурой, симпатичным лицом и отменной стрелковой подготовкой, но не более того. Просто лиха беда начало: если удержится эта, потянутся и другие. Будет повеселее, как у «пятерок», – там две заклинательницы имеются, и пусть одна из них предпенсионного возраста, все равно в отделе как-то... уютнее, что ли?

С этой мыслью Дайсон и уснул.

Утро началось со звонков трамваев за окном, дребезжания будильника и вопля Лэсси: «Лежать, Дайсон, я падаю!»

– Извини, я опять забыла, что ты тут спишь, и споткнулась, – виновато сказала она, встав с пола и потеряв ушибленную коленку. – Хорошо, что ты такой... м-м-м... упругий! Правда как диван...

«Дожил...» – думал Дайсон, положив голову на передние лапы и наблюдая за мельтешением Лэсси. Нет, это надо же! Никогда ни одна женщина не сравнивала его с диваном! Вот зверем называли, было дело, чудовищем, даже, прости Создатель, лапочкой и пупсиком, но чтобы так...

«И локти у нее твердые, – добавил Дайсон про себя, потому что ему досталось под ребра, когда девушка упала. – Таким локтем да в нос злоумышленнику... Тьфу, о чем ты опять думаешь?»

– Пора идти, – сказала Лэсси. – Съе Ланн опять станет ругаться, что я пропустила завтрак, ну да ладно. У нас же есть колбаса!

«У нас? Кто-то обещал не давать мне ни кусочка», – подумал Дайсон и постарался выразить скепсис на морде.

– Она так пахнет, что лучше уж съесть ее разом и забыть навсегда, чем видеть во сне, – пояснила девушка и сняла сверток с верхней полки. – Ну-ну, погоди, не капай слюнями, я тебя не обделю... Где-то у меня тут еще галеты были... а запивать придется из твоей кастрюли. Но ты не заразный, переживу. Только вот слюни твои... фу!

Дайсон чуть не подавился шкуркой от колбасы, но не совался к кастрюле с водой, пока не напилась Лэсси. Слюни... Подумаешь, какая неженка!

– Значит, так, – говорила она по пути, – велосипед я оставлю возле дыры. А мы с тобой зайдем в контору, а потом, как обычно, отправимся бегать. И я скажу еще, что надо зайти к Кирцу – дать тебе лекарство от паразитов. Ну, я сама, во-первых, не могу разжать тебе зубы, во-вторых, что-то опасаясь совать руку в твою глотку, а если прятать таблетки в той же колбасе или сыре, ты их выплевываешь, только продуктам перевод. На полпути мы пропадем и поедем посмотрим на место преступления. А то вдруг в прошлые разы мне померещилось?

Дайсон чуть не кивнул, но вовремя сдержался и ограничился неопределенным ворчанием.

– Колбасы больше нет, – по-своему поняла его Лэсси и облизала жирные пальцы, а потом сунула руки псу. Он с удовольствием прошелся языком по ее ладоням и подавил не вполне приличные фантазии. – Ой, щекотно как... Так, я бегу в душ и одеваться. У нас сегодня уйма дел!

Дайсон проводил ее взглядом и вдохнул аромат колбасы – еще немного, и он совсем развеется... Кто бы подсказал модным дамам, что такой запах сделает их неотразимыми для ограниченного круга любителей?

* * *

– Что это вы сегодня пешком, съе? – спросил у Лэсси попавшийся у ворот управления Килли.

– Колесо погнула, – ответила та, не задумавшись ни на секунду. – Представляете, как обидно: ехала вчера домой, угодила в выбоину, и... И вот я безлошадная. Отдала соседу своего железного коня, обещал починить за малую мзду. А мы пока своим ходом, верно, Дайсон?

Пес ответил коротким «гав».

– Ну, удачи вам, сье...

«Что-то она затеяла, – невольно подумал Килли, глядя вслед шефу и Лэсси. – Надеюсь, Дайсон ее притормозит».

Лэсси сходила переодеться в тренировочную одежду, размялась и кивнула Дайсону:

– Ну что, вперед?

Он снова коротко гавкнул.

Лэсси бежала легко, но ее длинные ноги Дайсон уже видел, поэтому несколько раз обогнал девушку, чтобы полюбоваться тем, как упруго подпрыгивает грудь в облегающей майке. И не сомневался: коллеги тоже наблюдают, возможно, даже в бинокли, хотя вид сверху не идет ни в какое сравнение с тем, что наблюдал он...

– Устал? – спросила она наконец, в очередной раз перейдя на шаг. – Нет? Тогда за мной! Я умоюсь и переоденусь, потом пойду пообедаю, а после мы с тобой собирались к Кирцу, помнишь?

Лэсси посмотрела в несчастные глаза Дайсона и шепнула:

– Я принесу тебе из столовой котлету.

По его мнению, это тянуло на очень, очень близкие отношения...

Котлета оказалась рыбной, но Дайсона это не смутило – сглотнул подачку в мгновение ока и снова уставился на Лэсси.

– Пойдем. И не забывай хромать, – сказала она, почти не разжимая губ. – Я всем наговорила, что тренировки тренировками, но что-то с тобой не так. Пускай посмотрят. В общем, до вечера нас искать не станут. А если позвонят или зайдут в питомник... Ой, ладно, выкрутимся как-нибудь! Скажу, что ты упирался и ни в какую не желал туда идти, а разве я тебя пересилию?

План удался: на полпути подельники, то есть напарники, исчезли в кустах и сквозь дыру в заборе выбрались на улицу. По счастью, в середине рабочего дня людей попадалось не так много, а в этот закоулок вовсе никто не заглядывал – иначе почему бы Дайсон выбрал именно его?

Велосипед оказался в целости и сохранности, и Лэсси, отстегнув цепочку, для надежности продетую сквозь спицы обоих колес, смотала ее и сунула в сумку из плотной материи вроде той, из которой шили форму.

«В самом деле, не может же она выйти из дома без всякой дамской ерунды?» – подумал Дайсон, впервые увидев этот, с позволения сказать, аксессуар, но ошибся. То есть пудреница и помада тоже болтались в каком-то из множества кармашков, но... он имел удовольствие наблюдать, как Лэсси вытряхивает содержимое сумки на кровать и сортирует по одной ей понятному методу. В грудке вещей нашелся порядочных размеров складной нож со множеством инструментов, больше подошедший бы опытному вояке, маленький перочинный ножик, коробка патронов, кастет и – тут Дайсон даже встряхнулся от неожиданности – связка отмычек. И, конечно, аптечка, пачка печенья, шоколадка и маленькая фляжка, не говоря уж о блокноте, ручках и карандашах.

«Ей бы больше ранец подошел», – подумал тогда Дайсон, потому что таскать такую тяжесть, перекинув лямку через плечо, попросту неудобно. И удивился, обнаружив, что Лэсси и об этом подумала: лямка была двойной, и сумка легко превращалась в этот самый ранец, точнее, рюкзак.

– Поехали, – сказала девушка. – Сначала посмотрим на предпоследнем месте преступления, тут совсем недалеко. А потом – на сколько времени хватит.

До искомой подворотни в самом деле было рукой подать – минут двадцать спокойным шагом, а если на велосипеде и рысцой – еще быстрее.

Учуяв миазмы, исходящие из этого места, Дайсон, невольно сморщился и чихнул. На первичном осмотре он присутствовал в человеческом виде и хотя бы мог зажать нос, а теперь... оставалось только терпеть.

– Жуть какая вонища, – поддержала его Лэсси, стараясь дышать ртом. – Но мы прямо уж вглубь не пойдем, зачем? Тело давно убрали, а на фотографиях все хорошо видно. Кроме вот этого...

Дайсон изо всех сил вгляделся в то, что рассматривала девушка на стене, но разобрать не смог: во-первых, высокогато, во-вторых, в подворотне темно, в-третьих, зрение у собак неважное. У него еще относительно неплохое в силу того, что он не настоящая собака, и все равно – чтобы разглядеть что-то, ему пришлось бы встать на задние лапы и уткнуться носом в стену.

«А почему бы и нет? – подумал он и со второй попытки проделал этот трюк, хотя раненая лапа отозвалась болью. – Нет, док прав, нужно сбросить вес...»

– Вот он. – Лэсси ткнула пальцем в нацарапанный на выщербленном кирпиче значок и подсветила фонариком. – И вокруг еще несколько разных. Здесь я нашла два, а в других местах – где три, где четыре. Но тут могла просто штукатурка осыпаться. Или того, кто рисовал, спугнули.

Дайсон слушал вполуха, внюхиваясь в непонятный символ. Запах был поразительно неприятный: какая-то невообразимая смесь приторных духов и прогорклого мыла. Ничего общего с тем, что он чуял на самом месте преступления.

– Я случайно нашла первый, – зачем-то сказала Лэсси. – Когда шеф Дайсон первый раз взял меня осматривать место преступления, еще полгода назад. Хорошо, была зима и тело не очень... пострадало, но я все равно, как увидела... Отошла, в общем.

Дайсон покопался в памяти и припомнил этот эпизод. Действительно, тогда убили девушку и раскромсали так, что его самого едва не вывернуло, а уж на что он был привычен! Словом, ему тогда было не до перемещений стажерки – не путается под ногами, и ладно.

– Я там выронила платок, – продолжила Лэсси. – Очень жалко было – мамин подарок, ее вышивка. Я и вернулась на следующее утро, думала, вдруг его еще не затоптали? И вот – нашла и платок, и эти знаки.

Дайсон нахмурился – полет мысли стажерки его порой озадачивал.

– Их не было днем раньше, понимаешь? Я к этой стенке прижималась лбом, чтобы не грохнуться, она у меня перед глазами отпечаталась до последнего кирпичика! Не было там никакого рисунка, уверена. А наутро – был. Вот как раз на уровне моих глаз.

Он обратился в слух.

– Я подумала: мало ли кто и что чертит на стенах, – говорила Лэсси. – Но потом увидела этот значок у сье Ланн. Она, знаешь, гадает под настроение, и вот на одной фишке... или косточке? Не знаю, как правильно... Словом, там был такой же точно рисунок. Я расспросила ее – оказалось, это знак смерти. Ну, то есть там уйма толкований, но основное – именно смерть. Тогда я решила, что рисунок оставил преступник. Ну, знаешь, есть такое поверье, что их тянет на место преступления, вот он вернулся и нарисовал.

«И ты действительно решила его найти!» – мысленно застонал Дайсон.

– Но не сошлось, – сказала девушка. – Пару раз оцепление стояло долго, эксперты работали. Как бы преступник просочился? И, кстати, он не на самом месте преступления чертит свои значки, чуть поодаль. И еще – я прикинула – не раньше чем на второй-третий день после убийства. Ну, это понятно – оцепление снимают, зеваки тоже уходят...

Дайсон согласно гавкнул.

– Но кому об этом расскажешь? Шеф бы меня высмеял, – сердито произнесла Лэсси. – Тогда я попробовала понять, что преступник пытается этим выразить... Съе Ланн дала мне книжку, но там все ужас как запутано. Всего Древних знаков три дюжины, к нашему времени добавилось еще столько же Новых, и каждое сочетание что-нибудь да значит! А в разных школах еще и толкования отличаются.

Дайсон предпочел бы выслушать все это на вольном воздухе, а не в вонючей подворотне, тем более кое о чем Лэсси уже рассказывала в ночном докладе. Правда, там она явно делала скидку на материалистический склад ума шефа и просто упомянула о том, что преступник может быть известен в каком-нибудь гадательном салоне или кружке по интересам. Но их в городе сотни, поди поищи! Если же он когда-то наслушался от бабушки сказок и легенд или просто прочел пару брошюрок соответствующего содержания, после чего начал царапать на стенах магические рисунки, его вовсе не найдешь.

– Но я долго разбиралась, – сказала Лэсси. – Вечерами делать нечего, не радио же слушать? Тем более все соседи рано ложатся, я мешать буду... Вот я и выписывала сочетания знаков, которые сумела найти – а я нашла дюжину разных, Дайсон! – их значения и всё прочее... Словом, теперь я, наверно, могу научную работу написать по толкованию и использованию знака «Смерть» в разных магических школах!

«И это притом, что ты не маг», – подумал Дайсон. И в пятерку за помощью Лэсси не обращалась, он бы немедленно об этом узнал. Очень интересно, что ни говори...

– Понимаешь, знак почти везде был нарисован перевернутым. А это уже не просто «смерть», это «из смерти в жизнь», если грубо. Ну там... старинные ритуалы, зима умирает, лето возвращается и наоборот... Хотя зачем я тебе об этом говорю? – озадачилась Лэсси. – Ты все равно не понимаешь! Ну ладно, будем считать, я рассуждаю вслух. То есть подытоживаю.

Дайсон тяжело вздохнул.

– В общем, у меня сложилось впечатление, будто кто-то пытается призвать дух умершего, – выдала Лэсси, и он сел от неожиданности. – Знаю, знаю, это все чепуха, но некоторые в такое верят. Вряд ли это сам преступник: он, исходя из образа действий, скорее нарисовал бы знак «Смерть» и несколько закрепляющих прямо кровью убитого. Или вырезал бы их на теле. Так надежнее – считается, дух не сможет вернуться и отомстить убийце.

Дайсон окончательно забыл о мерзких запахах и тараторил на Лэсси во все глаза. Да уж, милая девушка, ничего не скажешь: такую работу проделала и рассказывает с истинным энтузиазмом!

– Может, вызывающий дух хочет допросить убитого и узнать, кто на него напал? – продолжала она. – Вдруг это какой-то частный сыщик? Только он или плохой маг, или вообще не маг, а, как я, изучал Древние знаки самостоятельно, по книгам, вот у него и не получается, приходится пробовать разные сочетания. Как тебе идея?

Мысль не была лишена рационального зерна, и Дайсон задумчиво гавкнул, припоминая отчеты. Ни о каких таинственных знаках там речи не шло, это точно, он бы запомнил и непременно привлек заклинателей для проверки.

А еще – запах... Дайсон его не помнил, хотя такую вонь и человек бы учуял, не то что собака.

Он снова привстал на задние лапы и внюхался как следует. Теперь точно не забудет...

– Ты заметил? – обрадованно спросила Лэсси, обняв его за шею. – В тот, первый раз я тоже почуяла: там будто всю стену облили этой гадостью, и хоть на морозе все быстро выветривается, все равно – кирпич и штукатурка запахи какое-то время удерживают. Мой платок лежал в снегу, на него тоже попало, еле отстирала. Зря, наверно, но очень уж воняло.

Дайсон опустил на все четыре лапы и наморщил лоб. Запах действительно специфический, но что он напоминает? То ли лавку специй, то ли кондитерскую, то ли мыловарню... Таких по городу тоже десятки, если не сотни, все и за год не обойдешь.

– Я еще вычитала, что для призыва духов используют определенные вещества, – сказала Лэсси. – Наверно, это что-то из арсенала заклинателей. Жалко, нельзя их позвать и попросить понюхать стенку – кто меня слушать будет? Шеф высмеет, уверена, а просто так к ним пойти я не могу... И платок, говорю же, постирала... не знала тогда еще, что может пригодиться!

Дайсон утешающе ткнулся носом в ее руку, и девушка погладила его по голове.

– Ничего, – воинственно сказала она. – Попробуем взять образец! Надеюсь, нам не откроют голову за то, что испортили этот вот... рисунок.

С этими словами она выудила из сумки чистую тряпочку и долго терла ей стену.

– Вроде пахнет. – Тряпочка оказалась под носом у Дайсона, и он чихнул в подтверждение. – А теперь вот так...

И девушка сунула лоскуток в стеклянный флакон с плотно притертой пробкой.

– Может, кто-нибудь сумеет что-то уловить, а то я не могу определить, что это за запах. Вроде бы лежалое мыло и дешевые духи, – подтвердила Лэсси его первое впечатление. – Хвоя, розовое масло, золотое дерево... больше ничего не разберу, такая ядреная смесь.

Дайсон посмотрел на нее с уважением: он в этой пакости сумел вычленить только хвойную нотку. Ну да, девушки любят духи, неудивительно. С другой стороны, стажерка твердо соблюдала негласное правило, согласно которому пользоваться на службе духами, туалетной водой и одеколоном со слишком сильным запахом считалось неприличным. Сам Дайсон и его коллеги выбирали что-то нейтральное, но по иной причине: он – потому, что не хотел сбивать себе чутье, они – чтобы не раздражать его. Впрочем, к запахам своих ребят он давно привык... Однако и сотрудники других отделов не оставляли за собой удушливых ароматных шлейфов: посиди в кабинете, где десяток запахов пытаются перебить друг друга, взвоешь, даже если ты не собака!

А от Лэсси – Дайсон принялся внимательнее – пахло душистым мылом, здоровой молодой девушкой и самую чуточку – копченой колбасой, будь она неладна...

Глава 6

Выйдя из подворотни, Дайсон смачно чихнул и потер нос лапой.

– Да уж, устроили тут отхожее место, – согласилась Лэсси и снова оседлала велосипед. – Поехали дальше. Хочу взглянуть на то место, где убили регулировщицу. Спорим, там не будет Древних знаков? И запах... хорошо запомнил, Дайсон? Сумеешь обнаружить?

Он фыркнул, мол, в ком усомнилась, а она покатила вниз по улице. Пришлось бежать следом, что поделаешь...

И, чтоб ей провалиться, стажерка оказалась права – следы крови на мостовой сохранились, хотя дворники наверняка как следует помыли ее из шлангов, а вот на стенах ничего подозрительного не оказалось. Вернее, красовались традиционные словечки и прочая... хм... наскальная роспись, но Древних знаков не было. И запаха похожего Дайсон не уловил.

– Видишь, – шепотом сказала ему Лэсси, – ничего еще нет. Всего сутки прошли.

«Думаешь, этот недоделанный маг явится попозже?» – спросил бы Дайсон, если бы мог, но увы – лишь снова нахмурил брови и насторожил уши.

– Вряд ли он приходит днем, – продолжила девушка. – Могут заме...

– Съе, что вы там делаете? – окликнул кто-то с улицы, и она улыбнулась:

– Вот видишь!

Дайсон сдержанно гавкнул, Лэсси же продолжила, выступив на свет:

– Изучаю место преступления, съер. Имеете что-то против?

– О нет, конечно, нет, – стушевался полный мужчина, увидев форму. Судя по запаху и следам муки на одежде, это был булочник или кондитер. – Я ж не знал, что вы из полиции, съе. Вышел за газетой – вижу, копошится кто-то, а мало ли... И без того беда...

– О чем вы? Об убитой? – тут же насторожилась Лэсси.

– Конечно, съе. Такая хорошая была женщина. Всегда, как со службы возвращалась, брала у меня булочки с глазурью – я ей нарочно оставлял, чтобы теплыми донесла, и дверь не закрывал. То есть булочную закрывал, но она с черного хода стучала. – Мужчина вздохнул. – А вчера не постучала.

– Нам известно, что муж начал разыскивать съе Дани около полуночи. Вы уже спали? – Стажерка живо выудила из сумки-рюкзака блокнот и карандаш.

– Да ваши ведь меня уже допрашивали, съе...

– Не допрашивали, а опрашивали, – поправила она, – вы же не преступник. Ну и потом, дело было ночью, вы спросонок – рано же встаете, чтобы начать печь, верно? Коллеги мои усталые после рабочего дня... Вдруг упустили что-нибудь? Не откажетесь поговорить со мной? Найдется минута-другая?

– Найдется, съе, – вздохнул он. – Только пойдемте уж со мной, не здесь же разговаривать. Да и за работниками смотреть нужно.

Дайсон принялся – пахло свежей типографской краской, а из кармана у булочника торчала дневная газета. Значит, не соврал, ходил на перекресток – там расположился старый газетчик со своей тележкой. Это утренние новости разносят мальчишки на велосипедах или просто на своих двоих, а вот за дневной прессой можно и прогуляться. Женщины выбирают журналы с рецептами, выкройками, советами садоводам, интересными историями и прочим подобным, заодно сплетничают. Ну и мужчины не отстают – у них там клуб по интересам под открытым небом. Опять же, газетчик всегда подсунет что-нибудь любопытное о спорте, скандале в высшем свете, театральной премьере – он людей знает преотменно, особенно тех, кого видит изо дня в день.

«С ним бы поговорить, – подумал Дайсон. – Надо затащить Лэсси поближе к нему, а там она сама сообразит».

– А... собачку бы вы не могли оставить снаружи? – опасливо спросил булочник, когда они подошли к крыльцу.

– Я бы с радостью, сьер, – ответила Лэсси, – но он от скуки непременно примется раскапывать все кругом, и ваш прелестный палисадник пострадает необратимо.

– Так вы привяжите...

– Он прекрасно умеет выворачиваться из ошейника. А если не сможет, просто сломает ваши замечательные перила и пойдет рыться в клумбах. Лучше ему быть у меня на глазах, сьер, поверьте. Никого из ваших домашних он не тронет, никакого ущерба не причинит, но, повторяю, только если я буду за ним смотреть, – выдала девушка. – Очень он любит общество, а от скуки дуреет.

– Хорошо, хорошо, пусть идет, – сдался булочник. – Вот сюда, в гостиную. Я сейчас проверю, как там дела в пекарне, и приду, а вы пока располагайтесь, только...

– Не переживайте, Ухажер ни в коем случае не покусится на ваши чудесные кресла и диван, – заверила Лэсси. – Ну разве что немного натопчет.

Когда хозяин дома вышел, она взяла Дайсона за ухо, наклонилась и шепнула:

– Веди себя пристойно, ясно? Кажется, этот тип что-то знает, нельзя его спугнуть!

Когда булочник вернулся, Лэсси с Дайсоном смирно сидели – она в кресле, сложив руки на коленях, он рядом, изображая гипсовую фигуру: некоторые любят ставить такие у себя во дворе. К счастью, у булочника оказались только статуэтки цветочных фей, никаких собак... И на том спасибо.

– Меня зовут Лэсси Кор, седьмой оперативный отдел. – Девушка привстала и протянула руку.

Булочник явно заколебался, что следует делать: целовать ее или все-таки пожимать. В итоге осторожно пожал и назвал:

– Фир Таррино. Ну, вы уж знаете, наверно.

«Таррино. Точно, мелькала эта фамилия в отчетах», – кивнул Дайсон.

– Я даже не знаю, что вам рассказать, сье, – продолжал булочник. – Вроде все выложил...

– Вы сказали, что хорошо знали погибшую сье Дани, да примет ее Создатель в свои объятия, – ответила Лэсси и выудила из сумки блокнот и ручку. – Оставляли ей булочки с глазурью до вечера, а я уверена, их расхватывают с самого утра. Что вы можете сказать о ней?

– Ничего особенного, сье Кор. И я не говорил, что хорошо ее знал, нет. Она жила по соседству и приходила за выпечкой, вот и все.

– Простите, я неправильно вас поняла. Я еще не очень опытный полицейский, – улыбнулась девушка. – Но, может, вы подмечали в последнее время что-то необычное в ее поведении?

Булочник подумал, покачал головой.

– Боюсь, нет, сье. Она приходила как обычно. Удачное время: она сменялась с дежурства, а я как раз закрывался, потому что, вы верно сказали, вставать нужно рано. Иногда запаздывала, извинялась. Но мы с ней никогда не говорили подолгу, просто за без малого дюжину лет... привыкли вот так.

Он помолчал, потом вдруг спохватился:

– Она как-то упомянула, что сама почти не ест мучного, а булочки берет для мужа: его мать когда-то пекла если не точно такие, то похожие, и он радуется, как дитя.

– А почему же он сам не заходил к вам пораньше? – тут же спросила Лэсси. – Почему сье Дани вынуждена была после службы идти за этими булочками?

– Я не спрашивал, сье. Чужие семейные дела мне ни к чему.

– О, понимаю... Редкое качество для человека вашего рода занятий: обычно булочники и лавочники знают всё и вся о своих клиентах!

– А я не привык совать нос в чужие дела, – строго ответил Таррино. – Моя покойная супруга этим увлекалась, но я – нет. И если вдруг кто-то мне о чем-то рассказывает, я просто

ставлю эту историю на полку, как прочитанную книгу. Но нет, не смотрите на меня так: съе Дани не оставила мне никаких книг. Разве только заметки. Я слышал, она была на войне, муж ее тоже, вот и все... В нашем квартале таких немолодых пар много.

– У них есть дети?

– Съе Дани никогда о них не говорила. Может, и были, но давно живут отдельно – должны быть уже взрослыми. Она ведь была... ну... мне ровесница, никак не моложе, а мои давно разлетелись кто куда.

«О детях в личном деле погибшей ни слова, – тут же вспомнил Дайсон. – Даже о взрослых. Муж – да, имеется, но с ним покойная сошлась после войны, если верить датам, причем далеко не сразу, лет прошло порядочно. Знакомы они, конечно, могли быть и прежде, но факт есть факт. Только на кой нам этот факт? Стоп. А что там муж-то говорил? Этим без меня занимались, и как-то оно мимо меня проскочило... Раз проскочило, значит, ничего ценного он не сказал. Но мало ли... И никак не проверишь – как я лапами дело листать буду? Тьфу, я его даже из сейфа не достану!»

– А вы не знаете, случайно, где жила съе Дани? – перебила его мысли Лэсси. – Мне нужно задать несколько вопросов ее супругу, а адрес мне записали так, что я его прочесть не могу. Что там, даже аптекарь не сумел расшифровать эту тайнопись! Не возвращаться же в отдел из-за такой малости?

«А если он сейчас попросит показать адрес и попробует прочесть?» – подумал Дайсон, но стажерка подготовилась: в блокноте была заложена какая-то бумажка. Насколько ему удалось рассмотреть, Лэсси расписывала на ней ручку. Впрочем, все равно не понадобилось, булочник не предложил помочь.

– Знаю, что неподалеку, может, в паре кварталов, – сказал он, почесав в затылке. – Но в гости я к ней не собирался, так зачем мне ее адрес?

– Жаль...

– Вы вот что, съе, спросите газетчика, – предложил он, и Дайсон радостно встрепенулся. – Он все про всех в округе знает. А если сам не сможет сказать, так направит к кому-нибудь. Кстати, может, к какому-то лавочнику – я что-то ни разу не замечал, чтобы съе Дани ходила за покупками, кроме выпечки. Ну, тут ведь все на виду! Но, конечно, с ее службой особенно по магазинам не находишься, если только в выходной, но и то – не на себе же тащить? Значит, заказывала на дом. Только не представляю, у кого именно.

– Да вы настоящий сыщик, сьер Таррино! – восхищенно произнесла Лэсси. – Я и не сообразила... Интересно, почему муж не мог сходить за покупками? Считает, что это не мужское дело? Или тоже работает допоздна?

– Не имею представления, съе Кор. Может, газетчик и лавочники вам побольше расскажут. А теперь, уж простите, мне нужно идти – тесто ждать не будет.

– Не смею вас больше задерживать, сьер Таррино. – Девушка засунула блокнот в сумку и вскочила. – Благодарю за помощь!

Булочник проводил их до дверей и распрощался. Правда, когда Лэсси уже закрывала за собой калитку, вдруг появился на пороге и окликнул:

– Подождите, съе! Вот... Возьмите...

– Ну что вы, как можно? – Лэсси живо спрятала руки за спину, подпирая велосипед бедром, чтобы не упал.

Дайсон потянул носом – из бумажного пакета восхитительно пахло свежей выпечкой. Наверно, теми самыми булочками с глазурью.

– Берите, берите. – Таррино снова сунул ей пакет и на этот раз преуспел: наверно, Лэсси тоже учуяла аромат. – Хоть перекусите, а то на просвет видать. И как таких молоденьких девочек в полицию берут?

«Со скрипом», – мог бы сказать Дайсон, но только вздохнул. Заморышем Лэсси отнюдь не была, но Таррино, наверно, считал идеалом красоты дам более солидной комплекции, вот и решил подкормить бедняжку.

– Спасибо, я как раз забыла взять что-нибудь на обед, – лучезарно улыбнулась Лэсси. – Всего доброго!

На улице она заглянула в пакет, посмотрела на Дайсона и строго сказала:

– Тебе не дам. Ты толстый, так док Лабби говорит, а тут...

Он жалобно заскулил: неужели после тех помоев, то есть специального корма, которым его пичкают в питомнике, Лэсси не даст ему даже кусочек сдобы? Крохотный? Малюсенький? Вот такой, с ее ноготок?..

– Не дам, – с трудом повторила она с набитым ртом и выудила из сумки фляжку с холодным чаем, чтобы запить. – И не капай слюнями, Дайсон, фу!

Он выразительно облизнулся, едва не достав языком до бровей: дескать, угости, и перестану.

– Ты способен разжалобить даже каменное сердце, а я добрая, – сказала Лэсси и скормила псу четвертинку булочки. – Только не говори доку Лабби. Впрочем... если мы будем двигаться побыстрее, ты растрясешь лишнее, правильно? Тогда поехали, нам еще нужно поговорить с газетчиком, лавочниками и, если получится, сьером Дани...

До перекрестка было рукой подать, и тут, как обычно в послеполуденное время, почти никого не было. Домохозяйки уже запаслись журналами с новыми рецептами красоты и заморских блюд и устремились по домам – готовить ужин, старики тоже разошлись – кто вздремнуть, кто пропустить по кружечке пива. И ничего, что час еще не поздний – жарко ведь!

Сам газетчик, худой, седой как лунь и загорелый дочерна, сидел на складном стульчике под выцветшим зонтиком и что-то увлеченно читал. Никак не газету, это была довольно толстая книжка, которую он быстро спрятал под ворохом своего товара, едва заметив Лэсси.

– Добрый день, сьер, – сказала она, спешившись и поставив велосипед на подножку. – Меня зовут Лэсси Кор, я из полиции. Разрешите задать вам несколько вопросов?

– Ну наконец-то, – проворчал тот, поднялся во весь рост, чуть не сшибив головой свой зонтик, и протянул девушке руку, широкую и костистую, настоящие грабли. – Дарин Блесс.

– Очень приятно... А что значит – «наконец-то?» – живо поинтересовалась Лэсси, пожав ладонь газетчика.

– То и значит: жду-жду, что меня хоть кто-нибудь о чем-то спросит, а ваших все нет и нет.

– Но всех в округе опрашивали, – нахмурилась девушка. – Соседей и прочих...

– Ну да. Тех, кто мог что-то слышать или видеть. А я ночами не торгую, вот меня и обошли, – проворчал Блесс и подергал себя за длинный крючковатый нос. На нем очень странно смотрелось маленькое пенсне в потертой золоченой оправе – стеклышки были размером с монету, не больше. Откуда он выкопал такую древность? По наследству досталась, что ли?

Дайсон мотнул головой, отгоняя нелепые мысли, будто слепня.

– Присаживайтесь, сье. – Газетчик галантно подвинул Лэсси свой стульчик.

– А вы как же?

– Постою. Целый день сижу, а от этого, говорят, застой крови случается.

– Тогда я тоже постою, а то очень неудобно разговаривать, когда приходится так голову задирать, – решительно сказала Лэсси.

– Только идите уж поближе, под зонтик, а то солнце припекает. А пес ваш пускай под тележку ляжет, в тень – вон как язык вывалил, жарко ему, видать...

Что правда, то правда: погода выдалась на редкость славная, и в другое время Дайсон бы этому порадовался, но не теперь, когда вынужден был щеголять в мохнатой шубе. Хорошо все же быть человеком: расстегнул бы сейчас китель или вовсе снял, ослабил галстук, купил стакан холодного лимонада в ближайшей лавочке... Мечты, мечты!

– Ну, что же вы не спрашиваете? – подбодрил Блесс, когда Лэсси выудила из сумки блокнот и замерла, явно не в силах решить, с чего начать.

– Вы так начали беседу, сэр, что я подумала – это вы хотите что-то рассказать, вот и не желала сбивать вас с толку формальными вопросами, – выкрутилась она, а Дайсон довольно ухмыльнулся и снова шумно задышал открытой пастью. – Но если вам угодно... Не замечали ли вы кого-нибудь подозрительного в этом квартале вскоре после убийства?

– После?.. – заметно опешил газетчик.

– Да, именно.

Блесс подумал и все-таки опустил на свой стульчик. Лэсси прислонилась к тележке.

– Я думал, вы станете спрашивать о тех чужаках, что до того появлялись.

– Весь квартал в один голос твердит, что никого особенно странного не замечали, – лихо соврала Лэсси, хотя материалы дела если и видела, то мельком. – Вдобавок съе Дани убили ночью, а ночами, насколько я понимаю, здесь все будто вымирает. И вы не торгуете. Правда, если убийца шатался поблизости и выискивал подходящую подворотню, тогда дело другое. Но будто его с первого взгляда отличишь от случайного прохожего? Он же не бежит среди бела дня в окровавленной одежде и с топором в руках!

– Ха! Если б я увидел такого типа, то решил бы, что это у Пэтси опять свинья из-под ножа удрала! – захохотал Блесс, хлопая себя по коленям. – Был такой случай, до сих пор ему забыть не могут – всю улицу переполошил...

– Что за случай?

– Пэтси – лавочник, – пояснил газетчик. – Вон, видите зеленую крышу? Торгует всякой всячиной, бакалеей по большей части. И вот однажды он то ли вычитал где-то, то ли надоумил кто, что на заднем дворе можно завести пару свинок. Места хватает, насчет корма можно с соседями договориться, объедков достаточно. Он и купил поросеночка. Гордился, расхаживал важный такой: дескать, к зимнему празднику будет и ветчина, и сосиски, и сало...

Он тихо хихикнул и продолжил:

– Откормил этого поросеночка Пэтси на славу. Вырос вот такущий!

Блесс развел длинные руки в стороны.

– Ну и вот, пришла пора забить его на мясо. Неделю Пэтси плакал и просил кого-нибудь помочь, но... После того как его кабанище снес соседям забор и перерыл весь огород у нашего аптекаря – а он там лечебные травы растит, – никто не взялся. Сидели смотрели, что дальше будет.

«Наверно, еще и ставки делали», – подумал Дайсон, потому что сам именно так и поступил бы. Когда еще увидишь такую забаву?

– Делать нечего, Пэтси принял на грудь для храбрости пару кружек, одолжил у мясника топор и пошел к своему Пятачку. Три раза возвращался, чтобы, значит, еще храбрости добавить, а то, говорил, не может с собой совладать – слезы наворачиваются, рука на топорнице разжимается. Но все же ударил... – Блесс довольно прищурился, и седые усы встопорщились. – Визгу было... Не знаю, кто громче визжал – кабан или Пэтси. Выходной был, все на улицу высыпали, и такая, знаете ли, картина: по улице мчится кабан, весь в кровище, а следом бежит Пэтси с топором наперевес, тоже в крови по уши... Поэтому и говорю: я б такому зрелищу не удивился.

– А что с кабаном-то стало? – не выдержала Лэсси.

– Удрал. Пропал, как не бывало. В газетах ничего не писали, только Пэтси объявления давал, мол, сбежал питомец... Наверно, ушел на волю... хотя как бы он из города выбрался? Скорее, бродячие псы сожрали.

«Я бы с таким зверем не связался, – подумал Дайсон. – Но стая... Стая могла, да. Особенно если кабан ослаб от потери крови и свалился в какую-нибудь канаву. Хотя там его и люди могли найти, разделали и сделали вид, будто ничего не видели».

– А самое смешное, – добавил вдруг Блесс, – что ветчину эту только с голодухи бы кто-то есть стал.

– Почему?

– Так Пэтси ж не знал разницы между хряком и боровом. Потому у него кабанчик таким бодрым и остался, хоть и весил побольше хозяина раза этак в два, если не больше.

– Точно, Кирц же говорил, что это влияет на рабочие качества, – пробормотала Лэсси, и Дайсон уронил голову на лапы. – Весело тут живет, сэр Блесс! Только мы что-то увлеклись и отвлеклись. Я спрашивала о...

– Помню, помню, сье, – перебил тот. – Ну... насчет подозрительности не знаю, но незнакомую особу я видел. Вчера вечером, аккуратно после того, как оцепление сняли. То есть тут весь день много любопытных толклось, сами знаете – слетаются на место убийства, как мухи на... гхм... варенье. Но они быстро разошлись – на что там смотреть? Ближе никого не пускали, сье Дани увезли в закрытом фургоне, вот и все. Так что люди поболтали да и разошлись. Журналисты были еще, точно: их я издали отличал – взгляд острый, так и шныряет, в руках непременно или фотоаппарат, или записная книжка.

Лэсси покосилась на собственный блокнот, в котором пока не прибавилось ни единой строчки.

– Но эти тоже быстро умчались, – со вкусом продолжал Блесс. Да уж, поговорить он явно любил! – Ясное дело, надо донести жареные факты до редакции, покуда не остыли... Конкурентов опередить, опять же. Срочно в номер, экстренный выпуск!..

– Вы с таким знанием дела говорите, сэр! – не удержалась Лэсси.

– Ну так я когда-то тоже за сенсациями гонялся, – охотно сказал газетчик. – Правда, после того, как послужил военным корреспондентом, эту охоту мне начисто отшибло. Теперь только торгую уже готовеньким.

И он широким жестом обвел разложенные на тележке газеты и журналы.

– О, вот как... Понимаю... Так что все-таки за странную особу вы видели вчера вечером?

– Не даете себя с толку сбить и зубы заговорить? – ухмыльнулся Блесс. – Первое дело в нашей работе... и в вашей, ясное дело. Так вот, говорю: зеваки разошлись, может, с десяток самых упорных осталось. Но и те больше друг с другом языками чесали, кто-то еще выпить пошел, у меня отирались, понятно, – мальчишки мне те самые экстренные выпуски притащили. Сразу и распродал. Этой вот особе последний номер достался.

Дайсон чуял, что Лэсси теряет терпение. Сам он уже его потерял, но, поскольку давно научился держать себя в руках, подавлял желание аккуратно взять Блесса за лодыжку и подержать так, чтобы начал говорить по делу.

– Торговалась еще! Мол, обычно газета вдвое дешевле стоит... Ну, так это ж с пылу с жару! Не хочешь переплачивать – подожди вечерней или из урны чужую возьми... Заплатила все же...

– То есть это была женщина? – не выдержала все-таки Лэсси.

– А я разве сразу не сказал? – делано удивился Блесс. – Дамочка, да. Постарше вас, сье, насколько я могу судить, но выглядит ничего себе, аппетитно. В смысле, морщин на лице не видно – у полненьких всегда так.

– И почему же вы сочли ее подозрительной? Только потому, что она торговалась?

– Нет, сье, это-то дело обычное. На иной даме наряд стоит втрое дороже моей тележки, но она ведь душу вынет, пока я ей не скину немного из-за того, что у журнала страничка загнулась! Просто, видите ли, она была одна.

– Разве в наше время женщина не может появляться без сопровождения? – Дайсону показалось, будто Лэсси взъерошилась.

– Может, конечно, кто ж вам запретит? Только вы поймите: одно дело хозяйки, которые за покупками ходят, или конторские девицы – на службу бегут, только каблучками цок-цок-

чок по мостовой, вы, опять же... Или деловые дамы – слышал, хватает таких, ну да они в нашем районе не появляются. Хозяйки всяких там... цирюлен и прочих салонов, богачки, словом, – их я только в журналах видел. Ну да они с охраной передвигаются, хотя вроде и сами по себе. У нас есть такая, кондитерскую лавку держит и алкоголем из-под прилавка торгует – слова в простоте не скажет. Ну а эта... ни то, ни сё, – выдал наконец Блесс.

– Как это понимать?

– Если б знал, объяснил бы, сье. Я, знаете, привык замечать всякое: вот девица пошла, сразу видно, она тут чужая, одета вроде обычно, но видно, что дорого. Значит, из богатой семьи, решила покуролесить подальше от этого их высшего света, в компании попроще. Или старушка – с виду скромная, но как прислушаешься, что она заказывает, сразу ясно – у нее денег куры не клюют.

– Может, она экономка в состоятельной семье.

– Такие экономки сами за покупками не ходят, а если ходят, то столько тратить не могут, – ухмыльнулся Блесс. – А вот старушки с деньгами им счет знают, потому расхотевать предпочитают сами. Опять же, нужно посплетничать, как без этого? Ну да я опять отвлекся...

– Да-да, вы все никак не объясните, почему эта женщина показалась вам подозрительной! Ну, если не считать того, что она была без сопровождения, что бы это ни значило.

– Вот сам удивляюсь – не могу понять, сье! Сплетниц, которые на другой конец города поедут с тремя пересадками на трамваях-автобусах, чтобы только взглянуть на место преступления, знаю. Было тут несколько таких, их весь город знает. Но таких издали видать, они оцепление прорвать могут, чтобы покойника потрогать или хотя бы место, где он лежал. Будут потом соседям рассказывать... Ну... – Газетчик развел руками. – Не могу объяснить. Вид у них очень своеобразный, сье. Если сами не видели, то...

– Думаю, я понимаю, о каком типаже вы говорите, – кивнула Лэсси. – Чем же та особа от них отличалась?

Блесс почесал в затылке.

– Она мне показалась напуганной. Но в то же время очень... ну... возбужденной. Будто собака, которая на след напала.

Дайсон вздрогнул. Только частного сыскаря, как предполагала Лэсси, им еще и не хватало для полного счастья!

– Она там кружила, кружила у этого проулка, – добавил газетчик. – Подойти близко не могла, кругом люди, с работы как раз многие пошли. А потом я свернул свою лавочку да уехал – ужинать пора было. Так что не знаю, что она там делала и делала ли.

Лэсси подержалась за голову. Дайсон подобрался ближе и сунул нос ей под локоть, чтобы ободрить. Девушка потрепала его по загривку и с упорством норной собаки, преследующей лису в норе, спросила:

– Сьер Блесс, как выглядела эта особа?

– Гм... Дайте, я вам нарисую, – неожиданно сказал он.

– На... нарисуете?..

– Ну да. Я, когда военкором был, наловчился шаржи рисовать. Очень похожие, все говорили. Мне за это частенько влетало от начальства. – Блесс снова улыбнулся в усы и протянул руку за блокнотом.

– Конечно, я буду вам очень признательна... Только вы все-таки ее опишите, потому что рисунок – это одно, а разного рода приметы – другое. Опять же, рост по рисунку не определишь.

– Так... Росточка она небольшого. Вам по плечо будет, если без шляпки. – Говоря это, Блесс быстро черкал в блокноте огрызком карандаша, который вынул откуда-то чуть не из-за уха. – Не толстая, но есть за что подержаться, уж простите... Только рыхловата. Бывают, знаете, такие дамочки, как сдобная булочка, вроде тех, что Таррино печет: полные, упругие,

всё на месте... А у этой квашня то ли перестояла, то ли наоборот, не разбираюсь. В общем, молодая еще, лицо без морщин, как я уже сказал, но щечки все-таки дрябловаты, обвисают, да и шея складками пошла...

Лэсси покосилась на Дайсона, но тот мог лишь сочувственно посмотреть в ответ.

– Волосы светлые, в рыжину. Завитые таким барашком, а если поближе посмотреть – солома соломой. Наверно, покрасила неудачно, как жена аптекаря: та полгода на улицу только в платочке выходила, так у нее волосы испортились, – продолжал газетчик. – Кожа белая-белая, тонкая, все жилки на просвет видать, а от этого будто синяки под глазами. Сами глаза большие, светлые, немного навывкате, серые или голубые, не разобрал. Губы бантиком, по нынешней моде, помада почти что оранжевая.

Лэсси гневно фыркнула, Дайсон тоже.

– Понятно, что на службе краситься не положено, но вам бы пошло, сье, – невозмутимо сказал Блесс. – Вот, глядите.

Дайсон не выдержал, встал и сунул носом в блокнот. Да-а... у старика-газетчика был явный талант рисовальщика: он набросал неизвестную женщину с нескольких ракурсов, и хотя явно утрировал некоторые черты, по такому портрету ее наверняка смогли бы узнать. Не то что по тем, которые рисовали штатные художники в управлении...

Видимо, Лэсси тоже подумала об этом, потому что протянула:

– Вот бы вы у нас портреты преступников составляли...

– Я и в управлении работал, только недолго, – отозвался Блесс. – Не мое это. Я по описанию не могу, мне надо увидеть, тогда дело выходит.

– Благодарю вас, сье, – сказала Лэсси, бережно убирая блокнот в сумку, и вдруг спохватилась: – Скажите, а не пахло ли от этой женщины такими духами?

Газетчик честно понюхал открытый флакон, едва ли не засунув туда целиком длинный нос, потом кивнул.

– Да. На ветерке не особо чувствовалось, а когда она наклонилась за газетой, то я почуял. Похоже.

Лэсси с торжеством посмотрела на Дайсона. Он стукнул хвостом по мостовой и подумал: «Нужно было у булочника спросить. Может, эта странная дамочка и у него что-то купила».

– Ой, – спохватилась вдруг девушка, – а что вы можете сказать о сье Дани?

– Ничего, – развел руками Блесс. – Она ко мне подходила иногда. Наверно, в свой выходной. Брала журналы с вязанием.

«Неужели у нее после службы еще оставались силы и время вязать?» – поразился Дайсон. Нет, он слышал, что некоторые женщины так успокаивают нервы, но к его матушке это точно не относилось: пришить пуговицу, поставить заплату, даже сшить платье она могла при большой необходимости, но художественное рукоделие на дух не переносила.

– Не знаете, у кого она заказывала продукты?

– Само собой: у Пэтси, у Лири и у старой Ронн. – Блесс указал нужные лавки. – Тут других и нет. Вернее, есть, новенькие, но сье Дани давно здесь живет и привычкам, насколько мне известно, не изменяла.

– А ее мужа встречали когда-нибудь?

– Нет, сье. По-моему, его никто никогда не видел, – серьезно сказал газетчик. – Я одно время считал, будто она его выдумала. Но раз именно он поднял тревогу, значит, он существует.

– Еще раз благодарю вас за помощь, сьер. – Лэсси вежливо наклонила голову. – Идем, Ухожор! У нас еще уйма дел!..

Глава 7

– Вот так дела, – бормотала девушка, медленно крутя педали. – Что за таинственный муж? Наверно, в деле написано, но разве мне дадут посмотреть? То есть как я объясню, что мне нужно заглянуть в документы? Ведь приказано сидеть на месте, а я... то есть мы с тобой...

Дайсон согласно буркнул. Набегались они сегодня от души, его уже лапы не держали, а это был еще не конец маршрута.

«Обленился, – сказал он себе. – Когда-то тебе было нипочем сбегать с одного конца города на другой, и так три раза подряд без остановки и перекуса! Стыдно должно быть, верно док говорит».

Стыдно было еще и потому, что он действительно начисто забыл, кто таков муж погибшей. Или вообще не читал? Ну, если уже и память начинает подводить, дело плохо...

– Дайсон, но мы все-таки с пользой прогулялись, – сказала Лэсси. – Странную дамочку видел Пэтси, он уверенно опознал ее по рисунку и описанию. И старушка Ронн тоже. То есть уже трое очевидцев как минимум. Что тут делала эта особа, как думаешь?

Дайсон думал о том, что у старой Ронн ему перепал кусок колбасы – намного лучше той, над которой тряслась Лэсси. И вообще, ему зверски хотелось есть... Он был согласен даже на пайку в питомнике, лишь бы не подводило брюхо!

Судя по всему, рулады, которые издавал желудок Дайсона, услышала и Лэсси, потому что сказала:

– Сходим к сьеру Дани, а потом обратно. И как раз поспеем к вечерней кормежке, если ты побежишь чуточку быстрее.

Он фыркнул в знак согласия – не лаять же на весь квартал? А тише у Дайсона не получалось.

Лавочники не рассказали ничего интересного, но хотя бы адрес четы Дани сообщили. У здоровяка Лири покойная заказывала мясо, у старой Ронн – зелень и овощи, а у бакалейщика Пэтси – крупы, муку, соль, сахар и прочее необходимое в хозяйстве. И еще шерсть для вязания – помимо бакалеи, он торговал еще и всякой всячиной от ниток и булавок до дешевой галантереи.

Все сходились в одном: набор продуктов у сье Дани всегда был один и тот же. Фрукты она брала только сезонные, вишню, груши и сливы, но помногу – наверно, варила варенье с компотами на зиму. Вот с овощами так не выходило, видимо, негде было хранить мешками, чтобы не испортились и не завелись мушки. Мясо покупала редко, раз в месяц в лучшем случае, с полочки, очевидно, а так все больше птицу и кости на бульон, потроха, опять же. (Дайсон любил потроха, поэтому облизнулся, и Лири дал ему говяжий хрящик, забыв спросить разрешения у хозяйки.) Вот крупу и муку заказывала сразу помногу, а еще – те самые нитки...

– Она вязала, да, – сообщил Лэсси бакалейщик. Дайсон смотрел на невысокого крепыша, представлял погоню за взбесившимся хряком и давился от смеха. Приходилось делать вид, будто у него чешется нос, и скрести его передней лапой, иначе фыркание выглядело бы чересчур странно. – Честно скажу – так себе получалось. Моя тетушка, хоть ей уже под девяносто и она сама не может встать с кресла, и то лучше вяжет! Но, наверно, сье Дани нравилось это занятие, а я не говорил, что шарф у нее так себе: тут петля спущена, там затянута, да и цвета... на любителя. А еще она отдавала все, что навязала, на благотворительность.

– Неужели? – удивилась Лэсси.

– Да-да, отдавала! В конце месяца тут всегда объявляются эти попрошайки... то есть, я хотел сказать, благотворители, ставят палатку и просят пожертвовать что-нибудь в пользу бедных. Ну, многие им отдают старую одежду, которую и старьевщик не возьмет, обувь, детские игрушки. А сье Дани каждый раз приносила целый тюк этих шарфов и носков.

– Не говорила, зачем это делает?

– Нет. Она вообще была неразговорчивая. И на службе сильно уставала – поди постой, помаши целый день этими значками, – вздохнул Пэтси.

– А мужа ее вы когда-нибудь видели?

– Нет, сье. Знал, что он есть, но ко мне в лавку он никогда не заглядывал. И мальчишки мои, которые заказы развозят, тоже его не видели.

– Как таинственно! – сорвалось у Лэсси.

– Ничего таинственного, сье, – хмыкнул бакалейщик. – Небось какой-нибудь сварливый тип, которому поперек горла жена работа. Только сам он получает вряд ли больше, вот и злится. А она вяжет, чтобы успокоиться и не прибить его сковородкой. Ну а к нам он не ходит... а кто его знает почему? Может, своя компания имеется, если это работяга какой-нибудь, а может, брезгует. Так или иначе, если кто его и видел, то не узнал, что это сьер Дани, так и запишите.

– Надо же, об этом я и не подумала! – искренне восхитилась девушка и что-то записала в блокноте.

Дайсон подавил желание стукнуться головой хотя бы об стол – массивное сооружение выдержало бы. Ну как он ухитрился забыть, кто такой сьер Дани? Почему он не показывается на люди? Остальные лавочники говорили то же самое: никто его сроду не видел! Сье Дани жила здесь давно, потом однажды появилась с браслетом на руке и буднично сообщила, что вышла замуж, только супруга своего не предъявила.

На ум шло что-то вовсе несусветное, поэтому он обрадовался, когда Лэсси распрошлась с бакалейщиком и направилась в глубину квартала, то и дело сверяясь со своими записями.

– Вроде бы нам сюда, – с сомнением произнесла она и прислонила велосипед к стене. Пристегнуть его тут было не к чему: лестница в три ступени упиралась в давно не крашенную дверь. Дайсон с удивлением увидел дверной молоток – вот так древность! Везде уже звонки, а тут...

Лэсси постучала, не раздумывая. Потом еще раз и еще, пока дверь не приотворилась и наружу не высунулась мрачного вида старуха в платке, повязанном по-крестьянски.

– Чего вам? – спросила она неожиданно глубоким басом. – Ходют и ходют...

– Полиция, сье. – Лэсси сунула ей под нос жетон. – Вы квартирная хозяйка четы Дани? Мне нужно побеседовать со вдовцом.

– А, вон что... – Старуха чем-то позвенела, щелкнула, и дверь открылась по-настоящему. – Надо же, пигалица какая, а уже полицейская!

Дайсон увидел, как побагровели уши и шея Лэсси – она, наверно, думала, что их не заметно под стриженными волосами. Повезло ей – сначала краснеет не лицо, но если кто стоит сзади...

– Простите, не знаю вашего имени... – выговорила девушка, поднявшись по ступеням.

– Онна Герат, вдова. Можно просто – тетушка Онна, – ответила старуха и зашаркала по узкому коридору. Дайсона удивило, что она вовсе не обратила на него внимания: вошел и вошел. – А вас как величать?

– Лэсси Кор, извините, не представилась сразу.

– А напарника вашего? – Старуха развернулась и уставилась на Дайсона.

Один глаз у нее был темный, яркий, второй с бельмом. Говорят, такие хорошо видят... двуликих.

– Э... это Дайсон, – удивленно ответила Лэсси. – Тезка моего шефа, забавно, правда? Вы не переживайте, сье Герат, он ничего не тронет. Ну разве что натопчет, но не больше моего.

– Тут хоть полк маршируй, хуже не станет, – махнула рукой старуха и отвернулась от Дайсона. – Идемте, сье.

Неизвестно, что она увидела, увидела ли вообще, а если так, что поняла? Развелось видящих... Лучше бы двуликих побольше стало!

Кухня была похожа на кухню сье Ланн, как родная сестра. Правда, тут не мешало бы прибраться, это даже Дайсон понимал: плиту давно не чистили, пол не мыли, окна... лучше даже не смотреть, все равно сквозь них ничего не разглядишь.

В тусклом свете газового рожка старуха выглядела вовсе уж жутко, но Лэсси не дрогнула. Наверно, потому, что Дайсон вовремя подсунул голову ей под руку (во всяком случае, ему хотелось так думать).

– Супруги Дани снимают у вас квартиру, верно? Как давно?

– Супруги... они такие же супруги, как я – девица на выданье, – проворчала старуха. – Снимают, да. Почти десять лет. Лучшие мои жилыцы: ни шума от них, ни убытка какого...

– Погодите, вы хотите сказать, что они не были мужем и женой, а только выдавали себя за пару? – тут же вцепилась Лэсси.

– Я, маленькая сье, не спрашиваю, вправду ли двое – супруги перед Создателем... то есть заплатили ли пошину и получили бумажку. Мне оплату не задерживают, не шумят, гостей не водят, проблем от них никаких – это главное. Остальное меня не интересует. Опять же, иные, со всеми нужными бумажками, и месяца не жили, а эти, говорю, – почти десять лет. Ну и зачем мне выяснять, кем они друг другу приходятся?

– Да, понимаю... Думаю, что понимаю... Что вы можете сказать о погибшей?

Старуха помолчала, потом грохнула на плиту чайник, зажгла огонь и ответила:

– Хорошая женщина. В молодости многое потеряла, а потом нашла свое счастье. Может, глупое, но тут уж...

– Вы не знаете, у нее были дети?

– Были, – коротко ответила старуха. – Больше нет. Так я ее поняла и дальше не расспрашивала. Последние годы у нее один ребенок.

Лэсси переглянулась с Дайсоном. Он начал догадываться, о чем речь, но хотел услышать подтверждение.

– А супруг? В отчете сказано – это он поднял тревогу, когда сье Дани не вернулась домой вовремя. Все верно, никакой ошибки нет?

– Конечно. Телефон только у меня, вот Ренн и спустился. Да я сама не спала, – вздохнула хозяйка. – Эла никогда не задерживалась. Забегала за булочками – и сразу домой.

Лэсси что-то строчила в блокноте, Дайсону не было видно.

– Он ведь сейчас у себя? Можно я поднимусь? Или нужно предупредить?

– Не нужно, сье Дани ждет гостей. Только не пугайтесь – у них там всегда не прибрано.

– Ничего страшного, сье Герат, я сама не очень аккуратна, – улыбнулась Лэсси и немного помедлила, прежде чем ступить на лестницу. – Ну, пойдем, Дайсон!

Лестница оказалась крутой, намного круче, чем в доме сье Ланн, и узкой – вдвоем не разойтись. А тут еще Лэсси спохватилась, перегнулась через перила и спросила:

– Сье Герат, а каких гостей он ждет? Полиция его уже опрашивала... Родственников? Друзей?

– Сам скажет, если захочет, – был ответ. – А мне говорить больше не о чем.

Дайсон чувствовал: Лэсси так и подмывает спросить, не отлучался ли сьер Дани той ночью из дома – если так и если старуха действительно не спала, то не могла не услышать, как скрипят ступеньки и щелкает замок. Слух у нее, судя по всему, феноменальный, а спальня наверняка на первом этаже, как у сье Ланн. Но девушка все-таки сдержалась: должно быть, хотела сначала сама взглянуть на таинственного затворника.

Да-да, вздохнул Дайсон, а еще она почти наверняка думает: а вдруг сьер Дани вовсе не затворник, просто притворяется? И убийца – тоже он? А жена до последнего не подозревала об этом, когда же начала догадываться, он ее убил? Ну а старуха Герат по какой-то причине

покрывает его... А может, на самом деле она глуховата, а по ночам обычно спит как убитая, вот и не замечала отлучек...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.